

Олдос Хаксли

Always Huxley

Двери восприятия
Рай и Ад
Вечная философия
Возвращение в дивный новый мир

Библиотека классики (АСТ)

Олдос Хаксли

**Двери восприятия. Рай и
Ад. Вечная философия.
Возвращение в дивный новый мир**

«Издательство АСТ»

1944, 1945, 1954, 1956, 1958

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Хаксли О. Л.

Двери восприятия. Рай и Ад. Вечная философия. Возвращение в дивный новый мир / О. Л. Хаксли — «Издательство АСТ», 1944, 1945, 1954, 1956, 1958 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-148421-7

«Двери восприятия» (1954) и «Рай и ад» (1956) — эссе, ставшие своеобразным интеллектуальным манифестом для поклонников психоделической культуры бурных шестидесятых. Ими восхищались Карлос Кастанеда и Тимоти Лири, Кен Кизи и Джим Моррисон. Они повлияли на умы сотен тысяч «сердитых молодых людей», искавших новый смысл бытия. Их смысл и суть — поиски идеальных путей расширения сознания. «Вечная философия» (1945) — блестящее исследование духовного наследия всех мировых религий. В основе этой книги — канонические тексты, шедевры философской мысли и мировой литературы. «Возвращение в дивный новый мир» (1958) — работа, в которой великий английский писатель и философ в своей полемичной манере провел параллели между западной цивилизацией буржуазного «золотого века» 1950-х и антиутопическим тоталитарным «потребительским раем», описанным в его самом известном художественном произведении — романе «О дивный новый мир». Снова и снова Хаксли сравнивал вымышленный им много лет назад мир далекого будущего с миром вполне реальным, окружавшим его на момент написания «Возвращения» — и снова и снова находил приметы пугающего, опасного и все более явного сходства... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-148421-7

© Хаксли О. Л., 1944, 1945, 1954,
1956, 1958

© Издательство АСТ, 1944, 1945, 1954,
1956, 1958

Содержание

Двери восприятия	7
Рай и ад	34
Предисловие	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олдос Хаксли
Двери восприятия
Рай и Ад
Вечная философия
Возвращение в дивный новый мир

Aldous Huxley

THE DOORS OF PERCEPTION

HEAVEN AND HELL

THE PERENNIAL PHILOSOPHY

BRAVE NEW WORLD REVISITED

© Aldous Huxley, 1944, 1945, 1954, 1956, 1958

© Перевод. М. Немцов, 2015

© Перевод. В. Желнинов, 2022

© Перевод. А. Анваер, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Двери восприятия

*Если бы двери восприятия были чисты,
все предстало бы человеку таким,
как оно есть – бесконечным.*

Уильям Блейк

В 1886 году немецкий фармаколог Людвиг Левин опубликовал первое систематическое исследование кактуса, которому впоследствии было присвоено имя ученого. *Anhalonium Lewinii* оказался для науки новостью. Для первобытной же религии и для индейцев Мексики и американского Юго-Запада он был другом с незапамятных лет. На самом же деле – гораздо больше, чем просто другом. По словам одного из первых испанцев, посетивших Новый Свет, «они едят корень, который называют Пейотль и которому поклоняются, словно божеству».

Почему они поклонялись корню, как божеству, выяснилось, когда видные психологи, такие как Йенш, Хэвлок Эллис и Уир Митчелл¹, начали проводить свои эксперименты с мескалином – активным элементом пейота. Правда, они не дошли до оголтелого идолопоклонства, однако единодушно отвели мескалину уникальное место среди остальных наркотиков. Если вводить его в соответствующих дозах, он глубже изменяет качество сознания и в то же время менее токсичен, нежели любые другие вещества в фармакологическом арсенале.

Исследования мескалина проводились sporadически, начиная со времен Левина и Хэвлока Эллиса. Химики не просто выделили алкалоид – они научились синтезировать его, чтобы запасы вещества больше не зависели от скудных и непостоянных запасов пустынного кактуса. Психиатры-алиенисты принимали мескалин, надеясь лучше и непосредственнее понять ментальные процессы своих пациентов. Работая, к сожалению, со слишком немногочисленными темами в слишком узком спектре обстоятельств, психологи наблюдали и каталогизировали некоторые наиболее поразительные эффекты, производимые этим наркотиком. Невропатологи и физиологи обнаружили кое-что касательно механизма его воздействия на центральную нервную систему. И по меньшей мере один профессиональный философ принимал мескалин, дабы пролить свет на такие древние неразгаданные тайны, как место разума в природе и отношения между мозгом и сознанием.

Этих тем никто не касался, пока два или три года назад внимание не привлёк новый и, возможно, весьма значительный факт². На самом деле этот факт лежал у всех на виду несколько десятков лет; но так случилось, что никто его не замечал, пока одного молодого английского психиатра, в настоящее время работающего в Канаде, не поразило близкое сходство химического состава мескалина и адреналина. Дальнейшие исследования показали, что и лизергиновая кислота – крайне мощный галлюциноген, получаемый из спорыньи, – связана с ними по биохимической структуре. Позже было открыто, что адренохром – продукт распада адреналина – может вызывать многие симптомы, наблюдаемые при отравлении мескалином. Только адренохром, вероятно, возникает в человеческом теле спонтанно. Другими словами, каждый из нас способен производить химическое вещество, микроскопические дозы которого, как стало

¹ Эрик Йенш (1883–1940) – немецкий психолог. Генри Хэвлок Эллис (1859–1939) – британский психолог и сексолог. Сайлас Уир Митчелл (1829–1914) – американский врач и писатель. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

² См. следующие работы: Хамфри Осмонд и Джон Смайтиз. Шизофрения: новый подход. *The Journal of Mental Science*, том ХСVIII, апрель 1952 г. Хамфри Осмонд. Касательно безумия. *Saskatchewan Psychiatric Services Journal*, том 1, № 2, сентябрь 1952 г. Джон Смайтиз. Мескалиновые явления. *British Journal for the Philosophy of Science*, том III, февраль 1953 г. Абрам Хоффер, Хамфри Осмонд и Джон Смайтиз. Шизофрения: новый подход. *The Journal of Mental Science*, том С, № 418, январь 1954 г. Сейчас готовится множество других работ по биохимии, фармакологии, психологии и нейрофизиологии шизофрении и по мескалиновым феноменам. – *Примеч. авт.*

известно, приводят к глубоким изменениям в сознании. Некоторые из таких изменений сходны с теми, что имеют место при самом характерном заболевании двадцатого века, подлинной чуме – шизофрении. Умственное расстройство происходит вследствие расстройства химического? А химическое, в свою очередь, – вследствие психологических расстройств, влияющих на надпочечники? Не слишком ли необдуманно и преждевременно такое утверждать? Мы можем сказать лишь, что этот случай был выделен из прочих за отсутствием доказательств в пользу обратного. Тем временем по этим наметкам продолжаются систематические работы, а изыскатели – биохимики, психиатры, физиологи – идут по следу.

После целого ряда крайне удачных для меня обстоятельств, весной 1953 года я обнаружил, что вышел как раз на их дорогу. Один из этих изыскателей приехал по своим делам в Калифорнию. Несмотря на семьдесят лет исследований мескалина, психологических данных в его распоряжении по-прежнему было до смешного мало, и ему очень хотелось пополнить материал. Я оказался рядом и желал – даже стремился – стать подопытным кроликом. Вот так и произошло: однажды ясным майским утром я проглотил четыре десятых грамма мескалина, растворенных в половине стакана воды, и сел ожидать результатов.

Мы живем вместе, мы совершаем поступки и реагируем друг на друга; но всегда и во всех обстоятельствах мы – сами по себе. На арену мученики выходят рука об руку; распинают же их поодиночке. Обнявшись, влюбленные отчаянно пытаются сплавить свои изолированные экстазы в единую самотрансценденцию; тщетно. По самой своей природе каждый воплощенный дух обречен страдать и наслаждаться в одиночестве. Ощущения, чувства, прозрения, капризы – все они личны и никак не передаваемы, если не считать посредства символов и вторых рук. Мы можем собирать информацию об опыте, но не сам опыт. От семьи до нации, каждая группа людей – это общество островных вселенных.

Большинство островных вселенных достаточно похожи друг на друга, чтобы можно было сконструировать понимание или даже взаимную эмпатию, или «вчувствование». Таким образом, вспоминая собственные горести и унижения, мы можем сочувствовать тем, кто попадает в аналогичные ситуации, можем ставить себя на их место (всегда, разумеется, в несколько пиквиновском смысле). Но в определенных случаях коммуникация между вселенными не полна или ее не существует вовсе. Разум находится на своем месте, а места, населенные безумными или исключительно одаренными, отличаются от мест, где живут обыкновенные люди, и общей памяти у них очень мало или же нет совершенно ничего, что способно стать основой для понимания или дружественного чувства. Слова произносятся, но не просветляют. Вещи и события, обозначаемые символами, принадлежат ко взаимоисключаемым царствам опыта.

Видеть себя так, как другие видят нас, – самый благотворный дар. Едва ли менее важна способность видеть других так, как они сами себя видят. Но что, если эти другие принадлежат к иному виду и населяют совершенно чуждую вселенную? Например, как может человек в здравом уме узнать, каково быть безумным? Или же, не имея возможности родиться заново провидцем, медиумом или музыкальным гением, как мы можем посетить миры, которые для Блейка, для Сведенборга³, для Иоганна Себастьяна Баха были родным домом. И как человеку, достигшему крайних пределов эктоморфии и церебротонии, поставить себя на место человека на пределах эндоморфии и висцеротонии или, если не считать определенных строго очерченных границ, разделить чувства того, кто стоит на пределах мезоморфии и соматотонии? Для ревностного бихевиориста такие вопросы, я полагаю, лишены всякого смысла. Но для тех, кто верит теоретически в то, что на практике, насколько им известно, истинно, – а именно, что у опыта есть как наружная, так и внутренняя сторона, – для таких людей поставленные проблемы реальны и тем более суровы, что какие-то неразрешимы абсолютно, а некоторые разрешимы

³ Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт и художник, мистик. Эмануэль Сведенборг (1688–1772) – шведский философ-мистик.

только в исключительных обстоятельствах и методами, недоступными любому и каждому. Таким образом, бесспорно одно: я никогда не узнаю, каково быть сэром Джоном Фальстафом или Джо Луисом⁴. С другой стороны, мне всегда казалось, что, возможно, к примеру, с помощью гипноза или самогипноза, посредством систематической медитации или же приняв соответствующий наркотик, я мог бы изменить свой нормальный режим сознания таким образом, чтобы иметь шанс узнать изнутри, о чем говорили и провидец, и медиум, и даже мистик.

Я кое-что читал о мескалиновом опыте и заранее пришел к убеждению: этот наркотик позволит мне по крайней мере на несколько часов сойти в тот внутренний мир, что был описан Блейком и остальными. Но ожидаемого не произошло. Я думал, что буду лежать с закрытыми глазами, а ко мне придут видения многоцветных геометрий, ожившей архитектуры, богато украшенной драгоценностями и неизъяснимо прекрасной, пейзажей с героическими фигурами, символических драм, неустанно подрагивающих на грани абсолютного и окончательного откровения. Но я, совершенно очевидно, не учел идиосинкразии собственного ментального строения, фактов своего темперамента, подготовки и привычек.

Насколько я себя помню, всегда (как и сейчас) мне плохо удавалось строить визуальный образ. Слова – даже богатые смыслом слова поэтов – не вызывают образов у меня в мозгу. Никакие гипнагогические видения не встречают меня на пороге сна. Когда я что-то вспоминаю, память не представляет мне это ярко зримым событием или объектом. Усилием воли я могу вызвать не очень отчетливое изображение того, что произошло вчера днем, как выглядел Лунгарно до того, как уничтожили мосты, или Бэйсуотер-роуд, когда единственные автобусы были зелеными, крошечными и влеклись старыми лошадьми со скоростью три с половиной мили в час. Но в таких образах мало субстанции и совершенно нет собственной независимой жизни. Они соотносятся с настоящими воспринимаемыми объектами так же, как гомеровские тени – с людьми из плоти и крови, пришедшими к теням этим в гости. Лишь когда у меня сильно поднимается температура, мои ментальные образы по-настоящему оживают. Тем, у кого свойство визуализации сильно, мой внутренний мир может показаться до странности тусклым, ограниченным и неинтересным. Таков мир – убогий, но мой, – который, как я ожидал, трансформируется в нечто совершенно на него не похожее.

Та перемена в этом мире, которая имела место в действительности, не была революционной ни в каком смысле. Через полчаса после того, как я проглотил наркотик, я обратил внимание на медленный танец золотых огней. Немного погодя возникли роскошные красные поверхности, которые набухали и расширялись из ярких узлов энергии, вибрировавших соответственно своему изменчивому узору. В другой раз, закрыв глаза, я увидел комплекс серых структур, внутри которых возникали бледно-голубоватые сферы, напряженно твердели и, появившись, бесшумно скользили вверх, прочь из виду. Но ни разу там не возникало ни лиц, ни форм, ни людей, ни животных. Я не видел никаких пейзажей, никаких громадных пространств, никакого волшебного роста и метаморфоз зданий, ничего, даже отдаленно напоминавшего драму или притчу. Тот иной мир, куда впустил меня мескалин, не был миром видений; он существовал в том, что я мог видеть открытыми глазами. Великая перемена произошла в царстве объективного факта. То, что случилось с моей объективной вселенной, было относительно незначимым.

Я принял таблетку в одиннадцать. Полтора часа спустя я сидел у себя в кабинете, пристально глядя на небольшую стеклянную вазу. В вазе было всего три цветка: полностью расцветшая роза «Красавица Португалии», жемчужно-розовая, лишь с легким намеком на более горячий, пламенный оттенок у основания каждого лепестка; крупная пурпурно-кремовая гвоздика и бледно-лиловый у основания сломанного стебля дерзкий геральдический цветок ириса. Случайный и преходящий, этот букетик нарушал все правила традиционного хорошего вкуса.

⁴ Джо Луис (1914–1981) – американский боксер-тяжеловес.

В то утро за завтраком меня поразили живой диссонанс его красок. Но это больше не имело значения. Сейчас я смотрел не на причудливое сочетание цветов. Я видел то, что видел Адам в утро творения, – миг за миг, чудо обнаженного существования.

– Приятно? – спросил кто-то. (В этой части эксперимента все разговоры записывались на диктовальную машину, и я мог впоследствии освежить память.)

– Ни приятно, ни неприятно, – отвечал я. – Это просто *есть*.

Istigkeit – кажется, это слово любил употреблять Майстер Экхарт?⁵ «Есть-ность». Бытие философии Платона – если не считать того, что Платон, по-видимому, совершил огромную абсурдную ошибку, отделив Бытие от становления и идентифицировав его с математической абстракцией Идеи. Бедняга, он так и не смог увидеть букет цветов, сияющих своим внутренним светом и едва не трепещущих под напором значимости того, чем заряжены; так и не смог воспринять следующего: то, что роза, ирис и гвоздика так интенсивно обозначали, – ровно то, что они есть, мимолетность, которая одновременно – вечная жизнь, непрестанная гибель, которая в то же время – чистое Бытие, связка крошечных уникальных частных, где по какому-то невыразимому и все-таки самоочевидному парадоксу должен видаться божественный источник всего существования.

Я смотрел на цветы, и в их живом свете я, казалось, различил качественный эквивалент дыхания – но дыхания без возвращений к начальной точке, без повторяющихся приливов, одного лишь неостановимого потока от красоты к еще более возвышенной красоте, от глубокого к еще более глубокому значению. На ум пришли такие слова, как Милость и Преображение – именно милость и преобразование они, помимо прочего, обозначали. Мой взор блуждал от розы к гвоздике и от их легкого пушистого накала – к гладким свиткам чувствующего аметиста, которым оказался ирис. Совершенное видение, *Sat Chit Ananda*, Вечность-Знание-Блаженство – впервые я понял – не на вербальном уровне, не зачаточными намеками или издали, но точно и полно, – к чему относились эти изумительные слоги. А потом я вспомнил фрагмент, который прочитал в одном эссе Судзуки⁶.

– Что такое Вселенская Форма Будды? – («Вселенская Форма Будды» – это еще один способ обозначить Разум, Таковость⁷, Пустоту, Бога⁸.) – Вопрос задает в дзенском монастыре искренний и сбитый с толку неофит. И с моментальной неуместностью братьев Маркс⁹ Учитель отвечает:

– Ограда в дальнем конце сада.

– А человек, который осознает эту истину? – с сомнением вопрошает неофит. – Позвольте спросить, кто он?

Граучо вытягивает его своим посохом по лопаткам и отвечает:

– Златогривый лев.

Когда я это читал, оно было для меня какой-то смутно осмысленной чепухой. Теперь же все стало ясно как день и очевидно как Евклид. Конечно же. Вселенская Форма Будды – это ограда в дальнем конце сада. В то же время – и не менее очевидно, – она – эти цветы, все, на что я – или скорее благословенное Не-Я, освобожденное на мгновение из моих удушающих объятий, – побеспокоюсь взглянуть. Книги, например, которыми уставлены полки по стенам моего кабинета. Как и цветы, они сияли более яркими красками, более глубоким значением, когда я смотрел на них. Красные книги – как рубины; изумрудные книги; книги, переплетенные в белый нефрит; книги из агата, аквамарина, желтого топаза; ляпис-лазурные книги, чей цвет

⁵ Иоганн Экхарт (ок. 1260 – ок. 1327) – немецкий теолог, считавшийся родоначальником немецкого мистицизма.

⁶ Дайсэцу Тэйтаро Судзуки (1870–1966) – японо-американский исследователь и пропагандист буддизма.

⁷ Т. е. безоценочное восприятие вещи.

⁸ Т. е. Бога как безличный абсолют.

⁹ Семейная труппа американских комедийных актеров: Джулиус («Граучо», 1890–1977), Леонард («Чико», 1891–1961), Артур («Харпо», 1893–1964) и Герберт («Зеппо», 1901–1979) Марксы.

был так интенсивен, так по самой сути своей значим, что они, казалось, вот-вот покинут полки, чтобы настойчивее предложить себя моему вниманию.

– А пространственные отношения? – спросил исследователь, пока я смотрел на книги.

Трудно было ответить. Да, перспектива выглядела довольно странно, и стены комнаты, казалось, уже не смыкались под прямыми углами. Но эти факты были на самом деле не важны. В действительности, важнее всего сейчас было то, что перестали иметь значение пространственные отношения, и мой ум воспринимал мир в иных категориях, нежели пространственные. В обычное время глаз занимает себя такими проблемами, как: *Где? – Как далеко? – Как и относительно чего располагается?* Под воздействием мескалина подразумеваемые вопросы, на которые отвечает глаз, – иного порядка. Место и расстояние больше не интересны. Разум воспринимает все в понятиях интенсивности существования, глубины значения, отношений внутри узора. Я видел книги, но мне не было никакого дела до их расположения в пространстве. Вот что я заметил, вот что отпечаталось у меня в уме – они сияли живым светом, и в некоторых сияние казалось более проявленным, чем в других. В этом контексте положение и три измерения не имели смысла. Разумеется, не то чтобы категория пространства уничтожилась. Встав и пройдясь, я обнаружил, что делать это могу достаточно нормально, не путаясь в расположении предметов. Пространство оставалось тем же; но оно лишилось господства. Ум был в первую очередь занят не мерами и местоположениями, а бытием и значением.

И вместе с безразличием к пространству пришло еще более совершенное безразличие ко времени.

– Мне кажется, его очень много, – вот все, что я мог ответить, когда исследователь спросил меня, как я ощущаю время.

Много, но сколько именно – совершенно не важно. Я, конечно, мог бы посмотреть на часы; но я знал, что часы мои находятся в другой вселенной. В действительности и до того, и в тот момент я воспринимал или неопределенную длительность, или нескончаемое настоящее, сделанные из одного непрерывно меняющегося апокалипсиса.

От книг исследователь переключил мое внимание на мебель. Столик для печатной машинки стоял в центре комнаты; за ним, так, что мне было видно, находился плетеный стул, а за стулом – письменный стол. Три эти предмета образовывали причудливый орнамент горизонталей, вертикалей и диагоналей – узор тем более интересный, что его нельзя было передать терминами пространственных отношений. Столик и письменный стол объединялись в композицию, напоминавшую что-то из Брака или Хуана Гриса¹⁰, – натюрморт, узнаваемо соотносимый с объективным миром, но переданный без глубины, без какой бы то ни было претензии на фотографический реализм. Я смотрел на свою мебель не как пользователь, который должен сидеть на стульях, писать за столами и столиками, и не как фотограф или научный регистратор, а как чистый эстет, чья единственная забота – формы и их взаимоотношения внутри поля зрения в пространстве картины. Но пока я смотрел, на смену этому чисто эстетическому взгляду кубиста пришло то, что я могу описать лишь как сакраментальное видение реальности. Я вновь был там, где я был, когда смотрел на цветы, – снова в мире, где все сияло Внутренним Светом и было бесконечным в своей значимости. Например, ножки этого стула – как чудесна их цилиндричность, как сверхъестественна их отполированная гладкость! Я потратил несколько минут – или несколько столетий? – не только пристально вглядываясь в эти бамбуковые ножки стула, но в действительности *будучи* ими – или скорее будучи собой в них; или, точнее (ибо «Я» сюда не вовлекалось – так же, как, в определенном смысле, и «они»), будучи своим Не-Я в том Не-Я, которое было стулом.

¹⁰ Жорж Брак (1882–1963) – французский художник-кубист. Хосе Викторiano Гонзалес («Хуан») Грис (1887–1927) – испанский художник-кубист.

Размышляя о своем опыте, я обнаруживаю, что согласен с видным кембриджским философом д-ром К. А. Бродом в том, «что нам следует хорошо постараться и намного серьезнее, чем до сего времени мы были склонны, рассмотреть тот тип теории, который выдвинул Бергсон¹¹ в связи с памятью и чувственным восприятием. Предположение заключается в том, что функция мозга, нервной системы и органов чувств в основном *избирательна*, а не продуктивна. Каждая личность в каждый момент способна помнить все, что когда-либо с нею происходило, и воспринимать все, что происходит везде во вселенной. Функция мозга и нервной системы заключается в том, чтобы защитить нас от этой массы в основном бесполезного и бессмысленного знания, ошеломляющего и повергающего нас в смятение, исключая большую часть того, что иначе мы бы воспринимали и помнили в любой момент, и оставляя лишь очень маленькую и специальную выборку того, что, с большой вероятностью, окажется практически полезным». В соответствии с такой теорией, каждый из нас потенциально – Весь Разум. Однако, поскольку мы – животные, наша задача – во что бы то ни стало выжить. Для того чтобы биологическое выживание стало возможным, поток Всего Разума должен быть направлен через редуцирующий клапан мозга и нервной системы. То, что выходит с другого конца, – жалкий ручеек сознания, которое поможет нам остаться в живых на поверхности этой планеты. Для того чтобы формулировать и выражать содержание этого урезанного осознания, человек изобретал и бесконечно разрабатывал системы символов и основанные на них философии, которые называл языками. Каждая личность – одновременно и бенефициарий, и жертва лингвистической традиции, в которой эта личность родилась: бенефициарий – потому, что язык дает доступ к накопленным записям опыта других людей, жертва – поскольку язык укрепляет в личности веру в то, что это урезанное сознание – единственное, и искажает ее ощущение реальности настолько, что эта личность только рада принять свои представления за данные, свои слова – за действительные вещи. То, что на языке религии называется «этим миром», – вселенная урезанного осознания, раз и навсегда выраженная и окаменевшая в языке. Различные «иные миры», с которыми человеческие существа вступают в беспорядочные контакты, – это множество элементов всеобщности осознания, принадлежащего Всему Разуму. Большинство людей почти все время знает только то, что проходит через редуцирующий клапан и освящено местным языком как подлинно реальное. Тем не менее определенные лица, по-видимому, рождаются с каким-то встроенным объездом, позволяющим огибать этот редуцирующий клапан. У иных людей такие временные объезды достигаются либо спонтанно, либо в результате намеренных «духовных упражнений», либо посредством гипноза, либо посредством наркотиков. Через эти постоянные или временные объезды протекает, может быть, и не совсем восприятие «всего, что происходит везде во вселенной» (поскольку объезд не уничтожает редуцирующий клапан, по-прежнему исключаящий всеобщее содержание Всего Разума), но все же нечто большее и превыше всего нечто отличное от скрупулезно отобранного утилитарного материала, который наш суженный индивидуальный разум считает полной или по меньшей мере достаточной картиной реальности.

Мозг снабжен некоторым количеством энзимных систем, которые служат для координации его работы. Некоторые из этих энзимов регулируют поступление глюкозы в клетки мозга. Мескалин подавляет выработку этих энзимов и, таким образом, снижает количество глюкозы, поступающей в орган, которому постоянно требуется сахар. Стоит мескалину сократить нормальный сахарный рацион мозга – что происходит тогда? Наблюдалось слишком мало случаев, и, следовательно, исчерпывающего ответа пока дать нельзя. Но произошедшее с большинством тех немногих, кто принимал мескалин под наблюдением, можно подытожить вот так:

¹¹ Анри-Луи Бергсон (1859–1941) – французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1927).

(1) Способность помнить и «мыслить прямолинейно» слаба, если вообще не редуцирована. (Слушая записи своих бесед под воздействием наркотика, я, правда, не могу сказать, что был тогда глупее, чем обычно.)

(2) Визуальные впечатления крайне обострены, а глаз вновь приобретает что-то от перцептивной невинности детства, когда сенсум не подчиняется концепту немедленно и автоматически. Интерес к пространству снижен, а интерес ко времени падает почти до нуля.

(3) Хотя интеллект остается незатронутым, а через восприятие в огромной степени улучшается, воля подвергается глубоким переменам к худшему. Тот, кто принимает мескалин, не видит причины делать что-либо в частности и обнаруживает, что большинство причин, по которым он обычно готов был действовать и страдать, глубоко неинтересны. Его нельзя ими беспокоить, поскольку думать можно и о чем-нибудь более приятном.

(4) Это нечто более приятное можно испытать (как я это испытал) или «снаружи», или «внутри», или в обоих мирах – внешнем и внутреннем, – одновременно или последовательно. То, что эти вещи – *действительно* лучше, кажется самоочевидным всем принимавшим мескалин, тем, кто приходит к наркотику со здоровым телом и неотягощенным разумом.

Такое воздействие мескалина – тот вид действия, какого можно ожидать после введения наркотика, обладающего силой, чтобы ослабить эффективность мозгового редуцирующего клапана. Когда в мозгу заканчивается сахар, недопитанное эго слабеет, его нельзя беспокоить, требуя от него выполнения каких-то необходимых заданий, оно теряет всякий интерес к тем временным и пространственным отношениям, что так много значат для организма, решившего существовать в мире и дальше. Когда Весь Разум просачивается через этот, уже негерметичный, клапан, начинают происходить разные биологически бесполезные вещи. В некоторых случаях появляется сверхчувственное восприятие. Другие открывают мир красоты видений. Иным являются слава, бесконечная ценность и значимость чистого существования, данного, неконцептуализированного события. На последней стадии отсутствия эго появляется «смутное знание» того, что Всё – во всем; что Всё – это в действительности каждое. Я понимаю, ближе конечный ум, «воспринимая все, что происходит везде во вселенной», подойти уже не способен.

Как же усиливается в этом контексте восприятие цвета под воздействием мескалина! Для определенных животных биологически очень важна способность различать определенные оттенки. Но за пределами утилитарного спектра большинство существ совершенно не различают цвета. Пчелы, к примеру, проводят большую часть времени за «дефлорированием свежих девственниц весны»; но, как показал фон Фриш¹², различают они всего лишь несколько цветов. Высокоразвитое цветоощущение человека – биологическая роскошь, неоценимо драгоценная для него как для интеллектуального и духовного существа, но не обязательная для его выживания как животного. Если судить по прилагательным, которые Гомер вкладывает в уста героев Троянской войны, они в своей способности различать цвета едва превосходили пчел. В этом отношении, по крайней мере, прогресс человечества был изумителен.

Мескалин увеличивает интенсивность всех цветов и заставляет воспринимающего ощутить бесчисленное количество оттенков, к которым он обычно совершенно слеп. Может показаться, что для Всего Разума так называемые вторичные характеристики вещей являются первостепенными. В отличие от Локка¹³ он, видимо, чувствует, что цвета важнее, достойнее внимания, нежели массы, положения и размеры. Как и те, кто принимает мескалин, многие мистики воспринимают сверхъестественно яркие цвета не только внутренним взором, но и

¹² Карл фон Фриш (1886–1982) – австро-немецкий зоолог, в 1973 г. удостоен Нобелевской премии за работы по изучению поведения пчел.

¹³ Джон Локк (1632–1704) – английский философ и политолог.

в объективном мире вокруг себя. Сходные данные сообщают психики и сензитивы. Есть и некоторые медиумы, для которых краткое откровение принимающего мескалин – дело ежедневного и ежечасного опыта в течение длительных периодов.

Из этого долгого, но необходимого экскурса в царство теории мы можем теперь вернуться к чудесным фактам – четырем бамбуковым ножкам стула посреди комнаты. Подобно нарциссам Вордсворта, они несли с собой всевозможные богатства – дар превыше всяких цен, дар нового непосредственного видения самой Природы Вещей, а также – более скромное сокровище непосредственного понимания, в особенности – понимания искусств.

Роза это роза это роза. Но эти ножки стула были ножками стула были Св. Михаилом и всеми ангелами. Спустя четыре-пять часов после события, когда воздействие недостатка мозгового сахара уже исчезало, меня взяли на прогулку по городу, которая, уже ближе к закату, привела нас в то место, которое скромно утверждало, что оно – «Самая Большая В Мире Аптека». В задней комнате «Аптеки» среди игрушек, открыток и комиксов стояло, к моему удивлению, несколько книг по искусству. Я взял первый попавшийся том. Это был Ван Гог, а картина, на которой открылась книга, оказалась «Стулом». Этим ошеломляющим портретом *Ding an Sich*¹⁴, который безумный художник видел с каким-то полным обожания ужасом и пытался выразить на холсте. Но то была задача, для выполнения которой даже силы гения оказались совершенно недостаточно. Стул, который видел Ван Гог, очевидно, был по сути своей тем же стулом, что видел и я. Но, будучи несравнимо более реальным, чем стул обычного восприятия, стул на этой картине оставался просто необычайно выразительным символом факта. Факт – проявленная Таковость; а тут всего лишь эмблема. Такие эмблемы – источники подлинного знания о Природе Вещей, и это подлинное знание может служить для подготовки ума, который сам по себе принимает знание это как следствие немедленных прозрений. Но на этом и все. Сколь бы выразительными ни были символы, они никогда не смогут стать тем, что они замещают.

В этом контексте было бы интересно исследовать произведения искусства, доступные великим знатокам Таковости. На какие картины смотрел Экхарт? Какие скульптуры и картины играли роль в религиозном опыте Св. Иоанна Крестителя, Хакуина, Хуэйньэна¹⁵, Уильяма Лоу? Ответить на эти вопросы выше моих сил; но я очень сильно подозреваю, что большинство великих знатоков Таковости обращали очень мало внимания на искусство – некоторые вообще отказываются иметь с ним дело, другие довольствуются тем, что критический глаз расценит как второсортную или даже десятисортную работу. (Для личности, чей преобразенный и преобразующий ум может видеть Всё в каждом *этом*, первосортность или десятисортность даже религиозной картины будет вопросом надменной безразличия.) Искусство, я полагаю, – только для начинающих или же для тех преисполненных решимости упертых людей, которые твердо решили удовольствоваться эрзац-Таковостью – символами, а не тем, что они значат, элегантно составленным рецептом вместо настоящего обеда.

Я поставил Ван Гога обратно на полку и взял соседний том. Это была книга по творчеству Боттичелли. Я переворачивал листы. «Рождение Венеры» никогда не была среди моих любимых. «Венера и Марс», это очарование, так страстно осуждавшееся бедным Рёскином¹⁶ на вершине его собственной затянувшейся сексуальной трагедии. Великолепно богатая и замысловатая «Клевета Апеллеса». А потом – картина, которую я знал хуже, и не очень хорошая, «Юдифь». Что-то привлекло мое внимание, и я зачарованно глядел – но не на бледную невро-

¹⁴ Вещи в себе (нем.).

¹⁵ Хакуин (1686–1769) – японский мыслитель, художник и каллиграф, монах школы дзен-буддизма Риндзай. Хуэйньэн (638–713) – шестой патриарх секты Чань.

¹⁶ Джон Рёскин (1819–1900) – английский писатель и художественный критик.

тическую героиню или ее прислужницу, не на волосатую голову жертвы или весенний пейзаж, а на лиловатый шелк плиссированного лифа Юдифи и длинные юбки, которые развеивал ветер.

Это я видел и раньше – тем же утром, между цветами и мебелью, когда случайно опустил взгляд, а потом продолжал страстно и пристально смотреть туда по своей воле – на собственные скрещенные ноги. Эти складки на брюках – что за лабиринт бесконечно значимой сложности! А текстура серой фланели – как богата, глубока, таинственно роскошна! И вот они опять здесь, в картине Боттичелли.

Цивилизованные человеческие существа носят одежду, поэтому не может быть ни портретной живописи, ни мифологического или исторического сюжетоизложения без показа складчатых тканей. Но хотя простое портняжное искусство может служить объяснением происхождения, оно никогда не объяснит самого роскошного развития драпировки как основной темы всех пластических искусств. Художники – это очевидно – всегда любили драпировку ради нее самой – или скорее ради самих себя. Когда вы пишете или режете драпировку, вы пишете или режете формы, нерепрезентативные во всех практических целях, – тот вид необусловленных форм, на которых художникам даже в самой натуралистической традиции нравится самовыражаться. В обычной Мадонне или Апостоле строго человеческий, полностью репрезентативный элемент отвечает лишь примерно за десять процентов целого. Все остальное состоит из множества раскрашенных вариаций неистощимой темы мятой шерсти или полотна. И эти нерепрезентативные девять десятых Мадонны или Апостола могут быть точно так же важны качественно, как и в количестве. Очень часто именно драпировки задают тон всему произведению искусства, устанавливают ключ, в котором излагается тема, они выражают настроение, темперамент, отношение художника к жизни. Стоическое спокойствие являет себя в гладких поверхностях, в широких неизмученных складках драпировок Пьеро. Раздираемый между фактом и желанием, между цинизмом и идеализмом, Бернини умеряет все, кроме карикатурного правдоподобия своих лиц с огромными портняжными абстракциями, которые суть воплощение – в камне или бронзе – непреходящих общих мест риторики: героизма, святости, возвышенности, к которой человечество вечно стремится, и по большей части – тщетно. А вот вам юбки и накидки Эль Греко, так тревожно напоминающие внутренности; вот острые, перекрученные, пламеобразные складки, в которые облачает свои фигуры Козимо Тура¹⁷: у первого традиционная духовность проваливается в безымянное физиологическое влечение; у второго – корчится в агонии ощущение чужого и враждебного по сути мира. Или давайте рассмотрим Ватто¹⁸: его мужчины и женщины играют на лютнях, готовятся к балам и арлекинадам, на бархатных лужайках и под благородными деревьями отплывают к Цитере, о которой мечтает каждый влюбленный; всеобъемлющая меланхолия персонажей и освежающая мучительная чувственность их создателя выражаются не в изображаемых действиях, не в жестах и лицах, но в рельефе и текстуре их тафтяных юбок, атласных колпаков и дублетов. Здесь – ни дюйма гладкой поверхности, ни мгновения мира или уверенности, – только шелковая глушь бесчисленных крохотных складок и морщинок с непрерывной модуляцией – внутренней неуверенностью, переданной с абсолютной убежденностью руки мастера, из тона в тон, из одного неопределенного цвета в другой. В жизни человек предполагает, Бог располагает. В пластических искусствах предположение совершается субъективной материей; а то, что располагает, – это, в конечной степени, темперамент художника, непосредственно же – по крайней мере в портретной, исторической или жанровой живописи – вырезанная или написанная драпировка. Между собой эти двое могут постановить, что *fête galante*¹⁹ должно трогать до слез, распятие – быть умиротворенным

¹⁷ Козимо Тура (1430–1495) – итальянский художник.

¹⁸ Жан-Антуан Ватто (1684–1721) – французский художник. «Отплытие на остров Цитера» (1717) – одно из самых знаменитых его «куртуазных» полотен.

¹⁹ Галантное веселье, празднество (*фр.*).

вплоть до веселья, стигматизация – быть невыносимо соблазнительной, подобие чуда женской безмозглости (я думаю сейчас о несравненной Мадемуазель Муатессье Энгра²⁰) – выражать суровейшую, бескомпромисснейшую интеллектуальность.

Но это еще не все. Драпировки, как я теперь открыл, – гораздо больше, чем средства для введения нерепрезентативных форм в натуралистические картины и скульптуры. То, что прочие видят только под воздействием мескалина, художник врожденно способен видеть все время. Его восприятие не ограничено тем, что полезно биологически или социально. Немного из знания, принадлежащего Всему Разуму, просачивается мимо редуцирующего клапана мозга и эго в сознание. Это понимание истинного значения всего существующего. Для художника, как и для принимающего мескалин, драпировки – живые иероглифы, которые каким-то странным образом выразительно замещают невообразимую тайну чистого бытия. Складки моих серых фланелевых брюк были заряжены «есть-ностью» даже более, чем стул, хотя, возможно, менее, чем те совершенно сверхъестественные цветы. Чему складки эти были обязаны этим привилегированным статусом, я сказать не могу. Возможно, потому, что складчатые формы драпировки так странны и драматичны, они захватывают взгляд и таким способом привлекают внимание к чудесному факту просто существования? Кто знает? Причина опыта менее важна, чем сам опыт. Раздумывая над юбками Юдифи там, в «Самой Большой В Мире Аптеке», я знал, что Боттичелли – и не один Боттичелли, но и многие другие – смотрел на драпировки теми же самыми преображенными и преображающими глазами, какими были в то утро и мои. Они видели *Istigkeit*, Всеобщность и Бесконечность сложенной материи, и сделали все, что могли, дабы передать ее в краске или в камне. И конечно же, непременно – без успеха. Ибо слава и чудо чистого существования принадлежат другому порядку, они выше силы выражения даже высочайшим из искусств. Но в юбке Юдифи я мог ясно видеть, *что*, будь я гениальным художником, я мог бы сделать из своих старых фланелевых штанов. Нет, немного, видит Бог, по сравнению с реальностью; но достаточно, чтобы восхищать созерцателей, одно поколение за другим, достаточно, чтобы заставить их понять по крайней мере хоть небольшое из подлинного значения того, что мы в своей прискорбной имбецильности называем «просто вещами» и чем мы пренебрегаем в пользу телевидения.

– Вот как следует видеть, – повторял я, глядя на свои брюки или бросая взгляд на драгоценные книги на полках, на ножки бесконечно более чем вангоговского стула. – Вот как следует видеть, каковы вещи на самом деле.

И все же у меня оставались кое-какие сомнения. Потому что, коль скоро всегда видишь вот так, никогда не захочешь делать ничего другого. Просто смотреть, просто быть божественным Не-Я цветка, книги, стула, фланели. Этого будет достаточно. Но как в таком случае насчет других людей? Как насчет человеческих отношений? В записи разговоров того утра я нахожу постоянно повторяемый вопрос: «Как насчет человеческих отношений?» Как можно примирить это лишенное времени блаженство видения «как должно» с временными обязанностями делания того, что должен делать, и чувствования того, что должен чувствовать?

– Следует уметь видеть эти брюки, – говорил я, – как бесконечно важные, а человеческие существа – как еще более бесконечно важные.

«Следует» – на практике же это казалось невозможным. Такое участие в явленной славе вещей, так сказать, не оставляло места для обычных необходимых задач человеческого существования, а превыше всего – для задач личности. Ибо личность – это «Я», а я по крайней мере в одном отношении был теперь Не-Я, одновременно воспринимая и являясь Не-Я вещей вокруг меня. Для этого вновь рожденного Не-Я поведение, внешний вид, сама мысль о «Я», которым оно в одно мгновение перестало быть, и о других «Я», некогда своих приятелях, каза-

²⁰ Жан Огюст Доминик Энгр (1780–1867) – французский живописец. Существует несколько его портретов Инес Муатессье.

лись не то чтобы в самом деле противными (ибо как раз о противности я вовсе не помышлял), но в огромной мере безразличными. Понуждаемый исследователем анализировать и сообщать все, что я делал (а как я хотел быть оставленным наедине с Вечностью в цветке, с Бесконечностью в четырех ножках стула и с Абсолютом в складках пары фланелевых штанов!), я осознал, что намеренно избегаю глаз тех, кто был со мною в комнате, намеренно воздерживаюсь слишком сильно ощущать их присутствие. Одним из этих людей была моя жена, другим – человек, которого я уважал и который мне очень нравился; но оба принадлежали к миру, от которого в тот момент мескалин освободил меня, – к миру «Я», ко времени моральных суждений и утилитарных соображений, к миру (и именно этот аспект человеческой жизни я превыше всего прочего желал бы забыть) самоутверждения, самоуверенности, чрезмерно ценимых слов и идолопоклоннически обожествляемых представлений.

На этой стадии развития событий мне дали большую цветную репродукцию хорошо известного автопортрета Сезанна – плечи и голова человека в большой соломенной шляпе, краснощекого, краснотелого, с густыми черными бакенбардами и темным неприветливым взглядом. Это великолепная картина; но не как картину я ее видел теперь. Ибо голова быстро приобрела третье измерение и ожила – маленький человечек, похожий на гоблина, выглядывал из окна в странице передо мной. Я засмеялся. А когда меня спросили почему, я все повторял:

– Какие претензии! Да кто он вообще такой? – Вопрос был адресован не конкретно Сезанну, но всем людям вообще. Кто, они считают, они такие?

– Это как Арнолд Беннетт²¹ в Долomiteх, – сказал я, внезапно вспомнив сцену, к счастью, увековеченную в моментальном снимке, где А.Б. примерно за четыре или пять лет до своей кончины гулял по зимней дороге в Кортин-д’Ампеццо. Вокруг него лежали нетронутые снега; на заднем плане – более чем готические уступы красных скал. А тут – милый, добрый, несчастный А.Б., сознательно переигрывающий в роли своего любимого литературного персонажа – самого себя, «лично Карточка». Он медленно прогуливался в этом ярком альпийском солнечном свете, заложив большие пальцы в проймы желтого жилета, который немного ниже выпирал изящным изгибом брайтонского эркера времен Регентства, – голова откинута назад, словно гаубица каким-то застрявшим афоризмом целится в голубой купол небес. Что он произнес тогда на самом деле, я забыл; но то, что явно кричала вся его манера, вид и осанка, было: «Я ничем не хуже этих чертовых гор». И в некоторых отношениях, конечно, он был бесконечно лучше; но не так – и он об этом очень хорошо знал, – как хотел бы представлять себе его любимый литературный персонаж.

Успешно (что бы это ни значило) или безуспешно, но мы все переигрываем в роли своих любимых литературных персонажей. И факт, почти бесконечно невероятный факт, что кто-то – в действительности и есть Сезанн, не составляет никакой разницы. Ибо превосходный художник со своей маленькой трубкой, подсоединенной ко Всему Разуму и обходящей клапан мозга и фильтр эго стороной, точно в такой же степени – и столь же подлинно – был этим гоблином с бакенбардами и неприветливым взглядом.

Ради облегчения я снова обратился к складкам брюк.

– Вот как следует видеть, – еще раз повторил я. И мог бы добавить: «Вот те вещи, на которые следует смотреть». Вещи без претензий, удовлетворенные тем, что они – они сами и есть, достаточные в своей таковости, не играющие роль, не пытающиеся – безумно – быть в одиночку, в изоляции от Вселенской Формы, в люциферовом презрении к милости Божьей.

– Ближайшим подступом к этому, – сказал я, – был бы Вермеер.

Да, Вермеер. Поскольку этот таинственный художник был одарен втройне – видением, постигавшим Вселенскую Форму как изгородь в дальнем конце сада, талантом передачи такой части видения, которую позволяли только ограниченность человеческих возможностей и бла-

²¹ Энох Арнолд Беннетт (1867–1931) – английский романист и драматург.

горазумие сдерживать себя в своих картинах более управляемыми аспектами реальности; ибо, хотя Вермеер и был представителем рода человеческого, писал он всегда натюрморты. Сезанн, говоривший своим моделям, чтобы они старались походить на яблоки, пытался писать портреты в том же духе. Но его женщины, похожие на яблочки-пепинки, более сродни Идеям Платона, нежели Вселенской Форме в изгороди. Они – Вечность и Бесконечность, видимые не в песке или в цветке, но в абстракциях какого-то более высокого уровня геометрии; Вермеер никогда не просил своих девушек походить на яблоки. Отнюдь, он настаивал, чтобы они оставались девушками до самого предела, – но всегда с оговоркой, что не будут по-девчачьи себя вести. Они могли сидеть или спокойно стоять, но никак не хихикать, никак не смущаться, не читать молитв, не томиться по возлюбленным, не сплетничать, не смотреть завистливо на детишек других женщин, не флиртовать, не любить, не ненавидеть и не работать. При совершении любого из этих действий они, без сомнения, интенсивнее стали бы самими собой, но по той же причине перестали бы проявлять свои божественные сущностные Не-Я. По выражению Блейка, двери восприятия Вермеера только отчасти были чисты. Одна панель стала почти совершенно прозрачной; остальная же дверь все еще была грязна. Сущностное Не-Я могло очень ясно восприниматься в вещах и живых существах по эту сторону добра и зла. В человеческих существах оно было видимо лишь когда те находились в покое – их умы не потревожены, их тела неподвижны. В этих обстоятельствах Вермеер мог видеть Таковость во всей ее небесной красоте – мог видеть и в какой-то малой мере мог передать ее в тонком и пышном натюрморте. Вермеер, бесспорно, – величайший художник человеческих натюрмортов. Но были и другие – например, французские современники Вермеера, братья Ленэ. Они, я полагаю, собирались быть *жанровыми* живописцами; в действительности же они производили серию человеческих натюрмортов, где их очищенное восприятие бесконечной значимости всех вещей передано не как у Вермеера – тонким обогащением цвета и текстуры, а усиленной ясностью, граничащей с наваждением отчетливостью формы внутри суровой, почти монохроматической тональности. Уже в наше время у нас был Вуйяр²² – художник, в своем лучшем качестве создавший незабываемо великолепные картины Вселенской Формы, явленной в буржуазной спальне, Абсолюта, сияющего посреди семьи какого-нибудь биржевого маклера в пригородном саду за чаем.

*Ce qui fait que l'ancien bandagiste renie
Le comptour don't le faste allechait les passant,
C'est son jardin d'Auteuil, où, veufs de tout encens,
Les Zinnias ont l'air d'être en tôle vernie*²³.

Для Лорана Тайада зрелище было просто непристойным. Но если бы ушедший на пенсию торговец резиновыми товарами сидел достаточно спокойно, Вуйяр увидел бы в нем только Вселенскую Форму и в цинниях, в пруду с золотыми рыбками, в мавританской башне и китайских фонариках виллы написал бы уголок Рая перед Грехопадением.

Мой же вопрос тем временем оставался без ответа. Как примирить это очищенное восприятие с должной заботой о человеческих отношениях, с необходимыми задачами и обязанностями, не говоря уже о благотворительности и практическом сострадании? Вековой спор между активистами и созерцателями был возобновлен – и, по-моему, с беспрецедентной остротой. Ибо до этого утра я знал созерцание только в его более скромных, более обыденных формах – как дискурсивное мышление; как восторженную увлеченность поэзией, живописью или музыкой; как терпеливое ожидание тех вдохновений, без которых даже прозаичнейший из

²² Жан Эдуар Вуйяр (1868–1940) – французский художник-постимпрессионист.

²³ Витрину, что прохожих привлекала, Старик отверг и в сад Отейль поплелся снова. Там циннии, всех ароматов вдовы, Как будто сделаны из пестрого металла. (Строфа из стихотворения французского поэта-символиста Лорана Тайада, 1854–1919, пер. Элины Войцеховской).

писателей не может надеяться что-либо совершить; как случайные проблески в природе вордсвортовского «чего-то, смешанного гораздо глубже»; как систематическое молчание, иногда приводящее к намекам на «тайное знание». Но теперь я понял созерцание в его высшем проявлении. В высшем проявлении – но еще не в его полноте. Ибо в своей полноте путь Марии включает в себя путь Марты и возвышает его, так сказать, до своей собственной высшей силы. Мескалин открывает путь Марии, но захлопывает дверь Марты. Он дает доступ к созерцанию – но к созерцанию, несопоставимому с действием и даже с волей к действию, с самой мыслью о действии. В промежутках между своими откровениями принимающий мескалин склонен чувствовать, что, хотя, с одной стороны, все – в высшей степени так, как оно должно быть, с другой стороны – что-то не так. Его проблема, в сущности – та же, что стоит перед квиетистом, архатом и – на другом уровне – перед пейзажистом и художником человеческих натюрмортов. Мескалин никак не может решить эту проблему: он может лишь поставить ее апокалиптически – тем, кому она до сих пор никогда не представлялась. Полное и окончательное решение может быть найдено только теми, кто готов осуществить правильное *Weltanschauung*²⁴ посредством правильного поведения и правильной, постоянной и ничем не сдерживаемой бдительности. Квиетисту противостоит активный созерцатель, святой, человек, который, по выражению Экхарта, готов спуститься с седьмого неба, чтобы принести чашку воды своему больному брату. Архату, отступающему от видимостей в полностью трансцендентную Нирвану, противостоит Бодхисаттва, для которого Таковость и мир случайностей едины и для чьего безграничного сострадания каждая из этих случайностей – повод не только для преобразования глубинного понимания, но еще и для самой практической благотворительности. А в мире искусства Вермеера и другим художникам человеческих натюрмортов, мастерам китайских и японских пейзажей, Констеблю и Тёрнеру, Сислею, Сёра²⁵ и Сезанну противостоит всеобъемлющее искусство Рембрандта. Эти имена огромны, их превосходство недостижимо. Что же касается меня в то памятное майское утро, то я мог быть только благодарен за опыт, показавший мне яснее, чем я видел прежде, истинную природу вызова и абсолютно освобождающей реакции на него.

Прежде чем мы оставим эту тему, разрешите добавить, что не существует такого вида созерцания, даже самого квиетистского, которое было бы лишено своих этических ценностей. По меньшей мере половина всей морали негативна и сводится к тому, как уберечься от зла. «Отче наш» насчитывает меньше пятидесяти слов, и шесть из них – просьба к Богу не вводить нас в соблазн. Односторонний созерцатель оставляет несделанным многое из того, что ему следует сделать; но чтобы компенсировать, он удерживается от делания многого из того, что ему делать не следует. «Сумма зла, – заметил Паскаль, – была бы намного меньше, если бы только люди смогли научиться тихо сидеть в своих комнатах». Созерцатель, чье восприятие очищено, не обязательно должен оставаться в комнате. Он может заниматься своим делом, настолько полностью удовлетворенный тем, что видит, и тем, что сам является частью божественного Порядка Вещей, что никогда не испытает даже соблазна вовлечься в то, что Траэръ²⁶ называл «грязными уловками мира». Когда мы ощущаем себя единственными наследниками вселенной, когда «море течет в наших венах... и звезды – наши алмазы», когда все вещи воспринимаются как беспредельные и святые, какой мотив может у нас быть для алчности и самутверждения, для погони за властью или для еще более ужасных форм удовольствия? Созерцатели вряд ли станут игроками, сводниками или пьяницами; как правило, они не проповедуют нетерпимость, не развязывают войн; не считают необходимым грабить, мошенничать или уни-

²⁴ Мировоззрение (нем.).

²⁵ Джон Констебль (1776–1837) – английский художник-пейзажист. Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер (1775–1851) – английский художник. Альфред Сислей (1839–1899) – французский художник-импрессионист английского происхождения. Жорж-Пьер Сёра (1859–1891) – французский художник-неоимпрессионист.

²⁶ Томас Траэръ (1637–1674) – английский поэт и священник.

жать бедных. К этим огромным отрицательным достоинствам мы можем прибавить и еще одно, которое, хоть и трудноопределимо, но и положительно, и важно. Архат и квиетист могут не практиковать созерцания в его полноте; но если они его практикуют вообще, то могут воспроизводить просвещающие обзоры иной, трансцендентной, страны ума; а если они практикуют его во всей его высоте, то становятся проводниками, сквозь которые из этой, иной, страны может истекать некое благотворное влияние в мир затемненных «Я», постоянно умирающих от его нехватки.

Тем временем я, по просьбе исследователя, обратился от портрета Сезанна к тому, что происходило у меня в голове, когда я закрывал глаза. На этот раз внутренний пейзаж любопытным образом ничего в себе не нес. Поле видения заполняли ярко окрашенные, постоянно изменявшиеся структуры, сделанные, казалось, из пластика или эмалированной жести.

– Дешево, – прокомментировал я. – Тривиально. Как вещи в «центровке».

И вся эта дешевка существовала в закрытой, тесной вселенной.

– Как будто находишься под палубой судна, – сказал я. – Грошового судна.

Пока я смотрел, стало очень ясно, что это грошовое судно было каким-то образом связано с человеческими претензиями. Этот удушливый интерьер мелочной лавки был моим собственным личным «Я»; эти мишурные мобили из жести и пластика были моим личным вкладом во вселенную.

Я чувствовал, что урок полезен, но тем не менее мне было жаль, что он преподается в такой момент и в такой форме. Как правило, тот, кто принимает мескалин, открывает внутренний мир на столь явном исходном уровне, столь очевидно бесконечным и святым, сколь и тот преображенный внешний мир, который я видел открытыми глазами. С самого начала мой же собственный случай был иным. Мескалин временно наделил меня силой видеть с закрытыми глазами; но он не мог вообще – или по крайней мере именно в этом случае – явить мне внутренний пейзаж, даже отдаленно сравнимый с моими цветами, стулом или брюками «там, снаружи». То, что он позволил мне воспринять внутри, было не Вселенской Формой в образах, а моим собственным умом; не архетипической Таковостью, а набором символов – иными словами, самодельной подменой Таковости.

Большинство наблюдателей образов преобразуются мескалином в духовидцев. Некоторые из них – а они, возможно, более многочисленны, чем общепризнано, – не требуют никакой трансформации: они – духовидцы постоянно. Умственный тип, к которому принадлежал Блейк, довольно широко распространен даже в урбанистически-индустриальных обществах сегодняшнего дня. Уникальность поэта-художника не заключается в том факте, что (цитируя из его «Описательного Каталога») Блейк действительно *видел* «тех дивных типов, называемых в Священном Писании “Херувим”». Она не заключается в том факте, что «некоторые из этих дивных типов, увиденных в моих видениях, были ста футов в высоту... и все содержали в себе мифологическое и непостижимое значение». Она заключается единственно в его способности выражать словами или (до некоторой степени менее успешно) линией и цветом какой-то намек по меньшей мере на не слишком необычный опыт. Бесталанный духовидец может воспринимать внутреннюю реальность, не менее огромную, прекрасную и значимую, чем тот мир, что созерцал Блейк; но он совершенно лишен способности выражать в литературных или пластических символах то, что увидел.

Из религиозных записей и сохранившихся памятников поэзии и пластических искусств совершенно ясно, что почти всегда и везде люди придавали большее значение внутреннему пейзажу, нежели объективно существующим вещам. Они чувствовали: то, что они видят закрытыми глазами, обладает духовно большей значимостью, нежели то, что они видят открытыми. Причина? Слишком близкое знакомство порождает презрение, а как выжить – проблема, варьирующаяся в диапазоне от хронически нудной до мучительной. Внешний мир – то место, где мы просыпаемся каждое утро нашей жизни, то место, где волей-неволей мы должны

пытаться прожить. Во внутреннем мире нет ни работы, ни монотонности. Мы посещаем его только во сне и размышлениях, и его странность такова, что мы никогда не сможем отыскать одного и того же мира в двух случаях подряд. Что удивляться, следовательно, если человеческие существа в своем поиске божественного предпочитали в общем и целом смотреть внутрь! В общем и целом, но не всегда. В своем искусстве не менее, чем в своей религии, даосы и дзен-буддисты смотрели за пределы видений, в Пустоту, и сквозь Пустоту – на «десять тысяч вещей» объективной реальности. Из-за своей доктрины воплощенного Слова христиане могли бы с самого начала принять сходное отношение ко вселенной вокруг. Но из-за доктрины Грехопадения им это было очень трудно сделать. Всего триста лет назад выражение тщательного отрицания мира и даже проклятия мира было и ортодоксальным, и понятным. «Нам не следует изумляться ничему в Природе, кроме одного лишь Воплощения Христа». В XVII веке фраза Лаллемана²⁷ казалась разумной. Сегодня в ней звенит безумие.

В Китае расцвет пейзажной живописи до положения главной художественной формы произошел около тысячи, в Японии – около шестисот, а в Европе – около трехсот лет назад. Приравнение Вселенской Формы к изгороди было сделано теми Учителями Дзена, которые обвенчали даосский натурализм с буддистским трансцендентализмом. Следовательно, только на Дальнем Востоке пейзажисты сознательно расценивали свое искусство как религиозное. На Западе религиозная живопись была делом изображения святых персонажей, иллюстрирования священных текстов. Пейзажисты считали себя мирянами. Сегодня мы признаем в Сера одного из величайших мастеров того, что может быть названо мистической пейзажной живописью. И все же этот человек, способный эффективнее прочих выражать Одно во многом, впадал в негодование, когда кто-нибудь хвалил его за «поэзию» его работ. «Я просто применяю Систему», – протестовал он. Иными словами, он был просто *пуантилистом* и в своих собственных глазах никем больше. Похожий анекдот рассказывают о Джоне Констебле. Однажды, ближе к концу своей жизни, Блейк встретил Констебля в Хэмпстеде, и ему показали несколько набросков молодого художника. Несмотря на свое презрение к натуралистическому искусству, старый духовидец мог отличить хорошее от плохого – если, конечно, это был не Рубенс. «Это не рисунок! – вскричал он. – Это вдохновение!» «Я хотел, чтобы это было рисунком», – таков был характерный ответ Констебля. Правы были оба. То был *рисунок*, точный и достоверный, и в то же время это было *вдохновение* – вдохновение по крайней мере столь же высокого порядка, что и у Блейка. Сосны Хита в действительности виделись в такой же степени идентичными Вселенской Форме. Набросок был необходимо несовершенной, но все же глубоко впечатляющей передачей того, что очищенное восприятие явило открытым глазам великого художника. От созерцания, в традиции Вордсворта и Уитмена, Вселенского Тела как изгороди и от видений, как у Блейка, «дивных типов» внутри ума современные поэты отступили в исследование личного, противопоставленного более чем личному, подсознательного, и в передачу в высокоабстрактных понятиях не данного, объективного факта, а просто научных и теологических представлений. Нечто подобное произошло и в области живописи. Здесь мы стали свидетелями общего отступления от пейзажа, доминирующей художественной формы девятнадцатого столетия. Это отступление от пейзажа не было отступлением в ту, иную, внутреннюю божественную Данность, которой касалось большинство традиционных школ прошлого, в тот Архетипический Мир, где люди всегда находили сырье для строительства своего мира и религии. Нет, это было отступление от внешней Данности в личное подсознательное, в ментальный мир, более убогий и плотнее закрытый, чем даже мир сознательной личности. Эти хитрые приспособления из жести и ярко раскрашенного пластика – где я их видел раньше? В каждой картинной галерее, которая выставляет новейшие работы нерепрезентативного искусства.

²⁷ Луи Лаллеман (1588–1635) – французский теолог-иезуит.

А теперь кто-то внес фонограф и поставил пластинку. Я слушал с удовольствием, но не испытывал ничего, что могло бы сравниться с моими видимыми апокалипсисами цветов и фланели. Неужели от природы одаренный музыкант *слышит* те откровения, что для меня были исключительно визуальными? Было бы интересно провести такой эксперимент. Тем временем музыка, хоть и не преображенная, хоть и сохраняющая свои нормальные качество и интенсивность, немало прибавляла к моему пониманию и того, что со мной произошло, и более широких проблем, которые это происходившее поднимало.

Инструментальная музыка, что достаточно странно, оставила меня довольно холодным. Моцартовский концерт до минор для фортепиано был прерван после первой части, и его место заняла запись каких-то мадригалов Джезуальдо²⁸.

– Эти голоса, – оценил я, – эти голоса – они вроде моста обратно к миру людей.

И мостом они оставались, даже когда пели самые хроматически неожиданные композиции безумного князя. Сквозь неровные фразы мадригалов музыка следовала своим курсом, никогда не оставаясь в какой-то одной тональности на протяжении двух тактов. В Джезуальдо, этом фантастическом персонаже из уэбберовской мелодрамы, психологический распад преувеличивал, толкал к самому крайнему пределу тенденцию, внутренне присущую модальной (как антитезе полностью тональной) музыке. Получавшиеся в результате работы звучали так, словно были написаны поздним Шёнбергом²⁹.

– И все же, – я чувствовал, что должен сказать, слушая эти странные продукты контр-Реформационного психоза, применявшегося к художественной форме Позднего Средневековья, – и все же не важно, что он весь раздроблен на куски. Целое дезорганизовано. Но каждый индивидуальный фрагмент – упорядочен, он представляет Высший Порядок. Высший Порядок превалирует даже в распаде. Тотальность представлена даже в сломанных частях. И даже, может быть, более явно, чем в полностью осмысленной работе. По крайней мере вас не убавляет чувство ложной безопасности от какого-то просто человеческого, просто сфабрикованного порядка. Вам нужно полагаться на свое непосредственное восприятие окончательного порядка. Поэтому в некотором смысле распад может обладать своими преимуществами. Но конечно, это опасно, страшно опасно. Предположим, вы не сможете вернуться, выбраться из хаоса...

От мадригалов Джезуальдо мы перепрыгнули через трехвековую пропасть к Альбану Бергу³⁰ и его «Лирической сюите».

– А это, – объявил я заранее, – будет адом.

Но оказалось, что я не прав. На самом деле музыка звучала довольно смешно. Вычерпанная из личного подсознательного, одна двенадцатитоновая агония сменяла другую; но поразило меня только внутреннее несоответствие между психологической дезинтеграцией, более полной, чем даже у Джезуальдо, и громадными ресурсами таланта и мастерства в ее выражении.

– Неужели ему не жалко себя? – прокомментировал я с ироничным отсутствием сострадания. И затем: – *Katzenmusik* – ученая *Katzenmusik*³¹. – И наконец, еще несколько мучительных минут спустя: – Кому какое дело до того, что он чувствует? Почему он не обратит внимание на что-нибудь другое?

В порядке критики того, что, без сомнения, является замечательной работой, это было несправедливо и неадекватно, – но, я думаю, небеспристрастно. Я привожу это здесь так, как

²⁸ Дон Карло Джезуальдо (ок. 1560–1613) – князь г. Венозы, итальянский композитор.

²⁹ Арнольд Шёнберг (1874–1951) – австрийский композитор, один из родоначальников атональной музыки.

³⁰ Альбан Берг (1885–1935) – австрийский композитор, ученик Шёнберга.

³¹ Кошачья музыка (нем.).

оно было, и поскольку именно так я реагировал на «Лирическую сюиту» в состоянии чистого созерцания.

Когда она закончилась, исследователь предложил пройтись по саду. Я желал этого; и хотя мое тело, казалось, было полностью отсоединено от разума – или, если точнее, хотя мое осознание преображенного внешнего мира более не сопровождалось осознанием моего физического организма, – я обнаружил, что способен подняться, открыть стеклянную дверь в сад и выйти наружу почти без колебаний. Конечно, странно было ощущать, что «Я» не является тем же самым, что эти руки и ноги «там, снаружи», что и целиком объективные шея, туловище и даже голова. Это было странно; но к этому вскоре привыкаешь. И в любом случае тело, казалось, идеально могло само о себе позаботиться. На самом деле, конечно, оно всегда и так само о себе заботится. Сознательное эго может лишь формулировать желания, которые затем выполняются силами, слабо контролируемыми им и совершенно им не понимаемыми. Когда оно делает что-либо сверх этого – слишком сильно старается, например, беспокоится, переживает насчет будущего, – оно снижает эффективность тех сил и может даже повлечь болезнь девитализованного тела. В моем нынешнем состоянии осознанность не относилась к эго; она была, так сказать, сама по себе. Это означало, что физиологическая разумность, контролирующая тело, также существует сама по себе. На какое-то мгновение тот постоянно вмешивающийся невротик, что в часы бодрствования пытается взять управление в свои руки, слава богу, не стоял на пути.

Из стеклянной двери я шагнул под что-то вроде перголы, частично увитой розами, частично – покрытой рейками в дюйм шириной с просветами по полдюйма. Сияло солнце, и тени от реек образовывали зеброподобный рисунок на земле, на сиденье и спинке садового стула, стоявшего в конце перголы. Этот стул – забуду ли я его когда-нибудь? Там, где тени падали на полотняную обшивку, полосы глубокого, но сияющего цвета индиго чередовались со сверканием столь интенсивно ярким, что трудно было поверить, будто эти полосы не сделаны из чистого голубого огня. В течение, казалось, невообразимо долгого времени я глядел, не зная и даже не желая знать, с чем это я встретился. В любое другое время я бы увидел стул, исполосованный попеременно светом и тенью. Сегодня же перцепция поглотила концепцию. Меня это зрелище поглотило так полно и поразило настолько, что я не мог более ничего воспринимать. Садовая мебель, рейки, солнечный свет, тень – все они были не больше, чем имена и понятия, простые вербализации в утилитарных или научных целях уже после события. Самим же событием было это чередование лазурных печных топок, разделенных зарослями невообразимой горечавки. Это было несказанно чудесно, чудесно до такой степени, что почти ужасало. И внезапно у меня возникло ощущение, что я могу понять, каково быть безумным. У шизофрении есть свои небеса так же, как и свои преисподние и чистилища; я помню, что мне рассказывал один мой старый друг, уже много лет покойный, о своей безумной жене. Однажды, на ранней стадии заболевания, когда у нее еще были интервалы ясности, он приехал к ней в больницу поговорить о детях. Она немного послушала его, а затем прервала. Как мог он тратить свое время на пару отсутствующих детей, когда здесь и сейчас имеет значение лишь невыразимая красота узоров, которые он производит своим коричневым твидовым пиджаком, всякий раз двигая руками? Увы, этот рай очищенного восприятия, чистого, одностороннего созерцания, был не вечен. Блаженные паузы становились все реже, короче, пока наконец их вовсе не осталось – только ужас.

Большинство тех, кто принимает мескалин, испытывает лишь небесную часть шизофрении. Наркотик приносит ад и чистилище только тем, у кого незадолго до этого была желтуха, кто страдает от периодических депрессий или хронического беспокойства. Если бы – подобно другим наркотикам приблизительно сравнимой мощности – мескалин был знаменит своей токсичностью, сам по себе прием его был бы источником беспокойства. Но приемлемо здоровый человек знает заранее, что для него мескалин совершенно безвреден, воздействие средства

прекратится через восемь – десять часов, не оставив ни похмелья, ни, следовательно, желания возобновить прием. Укрепленный этим знанием, он пускается в эксперимент без страха – иными словами, без предрасположенности к преображению беспрецедентно странного и нечеловеческого опыта в нечто отвратительное, нечто поистине дьявольское.

Встретившись со стулом, который походил на Страшный Суд, – или, если точнее, со Страшным Судом, в котором я после длительной паузы и со значительными трудностями признал стул, – я сразу оказался на кромке паники. Все это, внезапно почувствовал я, зашло слишком далеко. Слишком далеко, несмотря даже на то, что уходило во все более интенсивную красоту, в более глубокое значение. Страх, каким я анализирую его в ретроспекции, возник перед ошеломлением, перед распадом под давлением реальности, большей, нежели способен перенести разум, привыкший почти всегда жить в уютном мирке символов. Литература религиозного опыта изобилует ссылками на боли и ужасы, ошеломляющие тех, кто слишком внезапно лицом к лицу столкнулся с каким-то проявлением *Mysterium tremendum*³². Говоря языком теологии, этот страх возникает из несопоставимости человеческого эгоизма и божественной чистоты, человеческой самоусугубленной отдельности и бесконечности Бога. Вслед за Бёме³³ и Уильямом Лоу мы можем сказать, что невозрожденными душами божественный Свет во всем его сиянии может восприниматься лишь как пылающий огонь очищения. Почти идентичную доктрину можно найти в «Тибетской Книге мертвых», где отошедшая душа описывается усыхающей в агонии от Ясного Света Пустоты и даже от меньших, приглашенных Огней, – чтобы стремительно броситься в успокаивающую тьму самости уже как перерожденное человеческое существо или же зверь, несчастный призрак, обитатель преисподней. Все что угодно, только не обжигающая яркость ничем не смягченной Реальности – все что угодно!

Шизофреник – это душа не только невозрожденная, но в придачу еще и безнадежно больная. Его болезнь состоит в неспособности бежать от внутренней и внешней реальности (что привычным образом совершает человек в здравом уме) в самодельную вселенную здравого смысла, в строго человеческий мир полезных представлений, разделяемых символов и социально приемлемых условностей. Шизофреник подобен человеку, постоянно находящемуся под действием мескалина и, следовательно, неспособному отторгнуть опыт реальности, для сосуществования с которой он недостаточно свят, которую он не может раз и навсегда объяснить, ибо она – самый упрямый из первичных фактов, и которая, поскольку никогда не позволяет такому человеку взглянуть на мир просто человеческими глазами, пугает его до такой степени, что он интерпретирует ее неослабную странность, ее пылающую интенсивность значения как проявления человеческой или даже космической злой воли, зовущие его принимать отчаяннейшие контрмеры – от насилия убийцы на одном конце шкалы до кататонии (или психологического самоубийства) на другом. И раз отправившись по inferнальной дороге вниз, он никогда не сможет остановиться. Теперь подобное стало слишком уж очевидным.

– Если начать неверно, – сказал я в ответ на вопросы исследователя, – все, что случилось, будет доказательством заговора против вас. Все будет служить самооправданием. Вы не сможете набрать в грудь воздуха, не сознавая, что это – часть заговора.

– Значит, вы думаете, что знаете, в чем корень безумия?

Мой ответ был убежденным и шел из души:

– Да.

– И вы не могли бы его контролировать?

– Нет, не мог бы. Если начинать со страха и ненависти как основной предпосылки, придется подходить и к заключениям.

³² Великая тайна (лат.).

³³ Якоб Бёме (1575–1624) – немецкий теософ и мистик.

– Мог бы ты, – спросила меня жена, – задержать внимание на том, что «Тибетская Книга мертвых» называет Чистым Светом?

Я сомневался.

– Может, это не впустит зло, если ты сможешь удержать внимание? Или все-таки не сможешь?

Некоторое время я раздумывал над вопросом.

– Возможно, – наконец ответил я, – возможно, смог бы, если бы кто-то рассказал мне о Чистом Свете. Одному это сделать невозможно. Полагаю, именно в этом – смысл тибетского ритуала: кто-то сидит все время и рассказывает тебе, что есть что.

Прослушав запись этой части эксперимента, я взял свое издание «Тибетской Книги мертвых» Эванса-Вентца³⁴ и раскрыл наугад. «О, благороднорожденный, пусть не отвлечется твой ум». Вот в чем была проблема – оставаться неотвлеченным. Не отвлеченным памятью о прошлых грехах, воображаемым удовольствием, горьким осадком старых обид и унижений, всеми страхами, ненавистями и страстями, которые обычно затмевают Свет. То, что делали буддистские монахи для умирающих и мертвых, не может ли и современный психиатр совершить для безумных? Пусть будет голос, который успокоит их днем, и даже когда они спят, расскажет им, что, несмотря на весь ужас, на все ошеломление и смятение, окончательная Реальность непоколебимо остается сама собой и состоит из той же самой субстанции, что и внутренний свет даже наиболее жестоко мучимого ума. Посредством таких приспособлений, как записывающие устройства, переключатели, контролируемые часами, системы публичного вещания и подушечные динамики, должно быть совсем несложно постоянно напоминать об этом первородном факте пациентам заведения даже с самой большой нехваткой персонала. Возможно, нескольким заблудшим душам и удастся помочь таким образом завоевать некоторую долю контроля над вселенной – одновременно прекрасной и отталкивающей, но всегда иной, нечеловеческой, всегда абсолютно непостижимой – в которой, как выясняется, они обречены жить.

Наконец меня увели от тревожных великолепий моего садового стула. Спускаясь с изгороди зелеными параболлами, ветви плюща выпускали какое-то стеклянное, нефритовое сияние. В следующее мгновение в поле моего зрения ворвался куст огненно-красных цветов. Настолько страстно живые, что, казалось, вот-вот заговорят, цветы тянулись вверх, в синеву. Подобно стулу в тени реек, они чересчур много укрывали. Я взглянул на листья и обнаружил пещеристый лабиринт нежнейших цветов и оттенков зеленого, пульсирующий непостижимой загадкой.

Розы:

Цветы легко нарисовать —

Листья трудно.

Хайку Сики³⁵ выражает (не называя прямо) как раз то, что я тогда почувствовал – чрезмерное, слишком очевидное торжество цветов, контрастирующее с более нежным чудом их листвы.

Мы вышли на улицу. У обочины стоял большой голубой автомобиль. При виде его меня внезапно охватило всепоглощающее веселье. Каким самодовольством, какой абсурдной самодовольственностью сверкали те выпирающие наружу поверхности лоснящейся эмали! Человек создал эту вещь по своему подобию – или, скорее, по подобию своего любимого литературного персонажа. Я смеялся, пока по щекам у меня не покатились слезы.

³⁴ Уолтер Илинг Эванс-Вентц (1878–1965) – американский антрополог и культуролог, опубликовал свой перевод тибетских религиозных текстов, получивших название «Тибетской Книги мертвых», в 1927 г.

³⁵ Масаока Сики (1867–1902) – японский поэт, реформатор форм хайку и танка.

Мы снова вошли в дом. Была приготовлена еда. Кто-то, кто еще не был идентичен мне, набросился на нее с волчьим аппетитом. Я смотрел на это со значительного расстояния и без особого интереса.

Когда все было съедено, мы сели в автомобиль и отправились на прогулку. Воздействие мескалина уже клонилось к упадку; но цветы в садах по-прежнему трепетали на кромке сверхъестественного, перечные и рожковые деревья вдоль боковых улиц по-прежнему явно принадлежали какой-то священной роще. Рай чередовался с Додоной, Иггдрасиль – с мистической Розой. А потом мы внезапно оказались на перекрестке – в ожидании возможности пересечь бульвар Сансет. Перед нами непрерывным потоком катились машины – тысячи машин, ярких и сверкающих, как мечта рекламодателя, и каждая – нелепее предыдущей. Я снова забился в пароксизмах хохота.

Наконец Красное море дорожного движения расступилось, и мы пересекли его и въехали в еще один оазис деревьев, лужаек и роз. Через несколько минут поднялись на обзорную площадку в холмах, и под нами раскинулся город. Я был довольно-таки разочарован – он выглядел совершенно как город, который я видел всегда. По мне, преобразование было пропорционально расстоянию: чем оно ближе, тем более божественно иное. Эта огромная туманная панорама едва ли отличалась от себя самой.

Мы двинулись дальше, и, пока оставались среди холмов и один дальний вид сменял другой, значимость присутствовала на своем повседневном уровне, намного ниже точки преобразования. Магия снова начала работать, когда мы свернули в новый пригород и заскользили между двумя рядами домов. Здесь, несмотря на отвратительную причудливость архитектуры, возобновилась трансцендентная инаковость, появились намеки на утренние небеса. Кирпичные трубы и зеленые латунные крыши пылали в свете солнца как осколки Нового Иерусалима. И внезапно я увидел то, что видел Гуарди³⁶ и что (с таким несравненным мастерством!) так часто выражалось в его картинах: оштукатуренную стену с пересекающей ее тенью, голую, но незабываемо прекрасную, пустую, заряженную всем значением и всей загадкой существования. Откровение приблизилось и вновь исчезло за какую-то долю секунды. Автомобиль проехал дальше; время приоткрывало еще одно явление вечной Таковости. «Внутри одинаковости есть различие. Но в намерение всех Будд никак не входит то, чтобы это различие отличалось от одинаковости. Их намерение – и общность, и различие». Вот эта клумба красной и белой герани, например, – она совершенно отличалась от этой оштукатуренной стены в сотне ярдов вверх по дороге. Но «есть-ность» обеих была одной и той же, вечное свойство их мимолетности – одним и тем же.

Час спустя, после еще десятка миль и посещения «Самой Большой В Мире Аптеки», мы наконец были дома, и я вернулся к этому успокаивающему, но глубоко неудовлетворительному состоянию, известному как «пребывание в своем уме».

Маловероятно, что человечество вообще сможет когда-либо избавиться от Искусственных Раев. Большинство людей ведет жизнь, в своем худшем виде настолько мучительную, а в лучшем – настолько монотонную, бедную и ограниченную, что позыв бежать ее, стремление превзойти себя хотя бы на несколько мгновений есть один из основных appetitов души и всегда им было. Искусство и религия, карнавалы и сатурналии, танцы и слушание ораторов – все это служило, по выражению Г. Дж. Уэллса, Дверями В Стене. А для частного, повседневного пользования всегда существовали химические интоксиканты. Все успокоительные средства и наркотики, низводящие человека до состояния овоща, все эйфорики, произрастающие на деревьях, галлюциногены, созревающие в ягодах или выжимаемые из корней, – все без исключения были известны и систематически использовались человеческими существами

³⁶ Франческо Гуарди (1712–1793) – итальянский художник.

с незапамятных времен. И к этим естественным преобразователям сознания наука прибавила свою долю синтетических веществ – хлорал, например, бензедрин, бромиды и барбитураты.

Большинство этих преобразователей сознания сейчас не могут применяться кроме как по предписанию врача или же нелегально и со значительным риском. Для неограниченного употребления Запад позволил только алкоголь и табак. Все остальные Двери В Стене обозваны Наркотой, а те, кто неавторизованно их употребляет, – наркоманами. Мы сейчас гораздо больше тратим на напитки и табак, чем на образование. Это, конечно, неудивительно. Стремление бежать своей самости и окружения присутствует почти в каждом почти постоянно. Позыв сделать что-то для молодых силен только в родителях, да и у них – лишь те несколько лет, пока дети ходят в школу. В равной степени неудивительно сегодняшнее отношение к спиртному и табаку. Несмотря на растущую армию безнадежных алкоголиков, несмотря на сотни тысяч людей, которых ежегодно увечат или убивают пьяные водители, популярные комики по-прежнему острят по поводу алкоголя и ему приверженных. И несмотря на свидетельства, связывающие сигареты с раком легких, практически все расценивают курение табака как явление едва ли менее нормальное и естественное, чем прием пищи. Рациональному утилитаристу это может показаться странным. Исторiku же именно этого и следовало ожидать. Твердое убеждение в материальной реальности Ада никогда не отвращало средневековых христиан от того, к чему побуждали их амбиции, похоть или алчность. Рак легких, дорожные происшествия и миллионы несчастных и плодящих несчастье алкоголиков – факты, еще более бесспорные, нежели факт существования Инферно во времена Данте. Но все эти факты далеки и несущественны по сравнению с близким, ощущаемым фактом стремления – здесь и сейчас – к освобождению или успокоению, к тому, чтобы выпить и покурить.

Наш век – это век, среди прочего, автомобиля и стремительно растущего населения. Алкоголь несовместим с безопасностью на дорогах, а его производство, как и производство табака, обрекает на практически полную стерильность многие миллионы акров самой плодородной земли. Проблемы, поднимаемые алкоголем и табаком, само собой, не могут быть решены запретом. Универсальное и постоянно присутствующее стремление к самотрансценденции не должно быть упразднено захлопыванием ныне популярных Дверей В Стене. Единственная разумная политика – это открыть другие, лучшие двери в надежде склонить людей сменить свои старые плохие привычки на новые и менее вредоносные. Некоторые из этих других, лучших дверей будут по природе своей общественными, технологическими, другие – религиозными или психологическими, еще какие-то – диетическими, образовательными, атлетическими. Но нужда в частых химических каникулах, дающих отдых от невыносимой самости и отвратительной среды окружения, совершенно бесспорно, останется прежней. Необходим прежде всего новый наркотик, который облегчит и утешит наш страдающий биологический вид без нанесения вреда, в конечном итоге большего, чем то добро, которое он принесет сразу. Такой наркотик должен обладать эффективным действием в минимальных дозах и производиться синтетически. Если он не будет обладать этими свойствами, его производство, подобно производству вина, пива, спирта и табака, будет мешать выработке пищи и тканей – продуктов первой необходимости. Он должен быть менее токсичным, чем опиум или кокаин, менее вероятно производить нежелательные социальные последствия, чем алкоголь или барбитураты, быть менее неблагоприятным для сердца и легких, чем смолы и никотин. А с положительной стороны он должен вызывать изменения в сознании более интересные, более ценные по сути, чем просто успокоение или навевание сна, просто иллюзии всемогущества или освобождение от подавления.

Для большинства людей мескалин почти совершенно безвреден. В отличие от алкоголя он не ведет принимающего его ни к каким неконтролируемым действиям, которые оканчиваются драками, насилием и дорожными происшествиями. Человек под воздействием мескалина тихо занимается своим делом. Более того, это «его дело» – опыт наиболее просветляющего

вида, за который не нужно платить (и это, конечно же, важно) компенсацию в виде похмелья. О долговременных последствиях регулярного употребления мескалина мы знаем очень мало, индейцы, которые потребляют бутоны пейота, не кажутся физически или морально деградировавшими вследствие этой привычки. Тем не менее имеющиеся свидетельства по-прежнему редки и отрывочны³⁷.

Очевидно превосходя кокаин, опиум, алкоголь и табак, мескалин все же не идеальный наркотик. Рядом со счастливо преобразованным большинством принимающих его есть еще и меньшинство, которое находит наркотик этот лишь адом или чистилищем. Более того, для наркотика, который следует запускать подобно алкоголю в массовое употребление, его воздействие длится неудобно длительное время. Но химия и физиология сегодня способны совершить практически все. Если физиологи и социологи определяют идеал, можно будет надеяться, что неврологи и фармакологи откроют средства, которыми этот идеал может быть реализован или по меньшей мере (ибо, возможно, именно такой вид идеала не может быть полностью реализован никогда по самой природе вещей) больше приближен, чем в винно-пьяном прошлом и пьющем виски, курящем марихуану и глотающем барбитураты настоящем.

Позыв превзойти самосознающую самость – это, как я уже сказал, основной аппетит души. Когда по какой бы то ни было причине у людей не получается превзойти себя посредством религиозного поклонения, хорошей работы и духовных упражнений, они склонны обращаться к химическим суррогатам религии – к «колесам» на Западе, к алкоголю и опиуму на Востоке, к гашишу в мусульманском мире, к алкоголю и марихуане в Центральной Америке, к алкоголю и коке в Андах, к алкоголю и барбитуратам в более современных районах Южной Америки. В *«Poisons Sacrés, Ivresses Divines»*³⁸ Филипп де Фелис пространно и документально обоснованно писал о незапамятной связи религии с приемом наркотиков. Вот его заключения в кратком изложении или в непосредственных цитатах. Применение токсичных веществ в религиозных целях «чрезвычайно широко распространено... Практики, исследуемые в этом томе, могут наблюдаться в любом регионе земли в не меньшей степени среди первобытных народов, чем среди тех, кто достиг высокого уровня цивилизации. Мы, следовательно, имеем дело не с исключительными фактами, которыми оправданно можно пренебречь, но с общим и, в самом широком смысле этого слова, человеческим явлением, которое не может быть отброшено в сторону кем бы то ни было, кто пытается обнаружить, что такое религия и каковы те глубинные нужды, которые она призвана удовлетворить».

В идеале каждый должен быть способен достичь самотрансценденции в какой-либо форме чистой или прикладной религии. На практике представляется весьма маловероятным, что этот желаемый конец будет когда-либо достигнут. Есть – и, без сомнения, всегда будут – хорошие прихожане и прихожанки, для которых, к сожалению, одного благочестия недоста-

³⁷ В своей монографии «Пейотизм Меномини», опубликованной в декабре 1952 г. в Протоколах Американского Философского Общества, профессор Дж. С. Слоткин писал, что «постоянное употребление пейота, по-видимому, не приводит ни к какому возрастанию толерантности или зависимости. Я знаю многих людей, которые были пейотистами по сорок – пятьдесят лет. Количество пейота, употребляемое ими, зависит от торжественности случая; в общем и целом они сейчас употребляют пейота не больше, чем много лет назад. К тому же между ритуалами бывают иногда интервалы по месяцу и более, и в эти периоды они обходятся без пейота, не чувствуя никакого стремления к нему. Лично я, даже после серии ритуалов, имевших место четыре уик-энда один за другим, не увеличил количество принимаемого пейота, не почувствовал никакой продолжающейся нужды принимать его». Очевидно, что имелись веские причины, чтобы «легально объявить пейот наркотиком или запретить его использование решением федерального правительства». Но тем не менее «в течение долгой истории контакта индейцев с белыми бюрократы последних обычно пытались подавить употребление пейота, поскольку он представлял собой нарушение их собственных нравов. Но такие попытки обычно проваливались». В примечании д-р Слоткин добавляет, что «удивительно слышать фантастические истории о воздействии пейота и о природе ритуала, которые рассказывают официальные лица из белых или индейцев-католиков в Резервации Меномини. Ни у одного из них не было непосредственного опыта, касающегося этого растения или религии, но все же некоторые считают себя авторитетами и пишут об этом официальные доклады». – *Примеч. авт.*

³⁸ Святые яды, божественные опьянения (*фр.*).

точно. Покойный Г. К. Честертон, который писал по крайней мере так же лирично о напитках, как и о преданности Богу, может служить их красноречивым рупором.

Современные Церкви, за некоторыми исключениями в среде протестантских вероисповеданий, терпимы к алкоголю; но даже самые терпимые не совершали никаких попыток обратить наркотик в христианство или сакрализировать его употребление. Благочестивый пьяница вынужден помещать свою религию в одно отделение, а заменитель религии – в другое. И вероятно, это неизбежно. Питие не может быть освящено, если не считать тех религий, которые не придавали большого значения благопристойности. Поклонение Дионису или кельтскому богу пива было делом громким и безобразным. Обряды христианства несовместимы даже с религиозным опьянением. Это не приносит вреда производителям крепких напитков, но очень плохо для христианства. Несть числа тем личностям, которые желают самотрансценденции и желали бы обрести ее в церкви. Но увы – «голодная паства глядит вверх и некормлена». Они принимают участие в обрядах, они слушают проповеди, они повторяют молитвы; но их жажда остается неутоленной. Разочарованные, они обращаются к бутылке. По крайней мере ненадолго это каким-то образом срабатывает. Церковь по-прежнему может посещаться; но это – не больше, чем Музыкальный Банк из батлеровского «Егдина»³⁹. Бог по-прежнему может признаваться; но Он – Бог только на вербальном уровне, только в строго пиквиковском смысле. Действительный объект поклонения – бутылка, а единственный религиозный опыт – то состояние ничем не сдерживаемой и воинственной эйфории, которое следует за потреблением третьего коктейля.

Мы, следовательно, видим, что христианство и алкоголь не смешиваются и не могут смешиваться. Христианство и мескалин представляются более совместимыми. Это было продемонстрировано многими индейскими племенами от Техаса на север до самого Висконсина. Среди этих племен есть группы, связанные с Чистой Американской Церковью – сектой, чьим основным обрядом является что-то вроде Вечери Любви ранних христиан, где ломтики пейота заменяют святые хлеб и вино. Эти «чистые американцы» считают кактус особым даром Бога индейцам и приравнивают его действие к воздействию божественного Духа.

Профессор Дж. С. Слоткин – один из очень немногих белых людей, когда-либо участвовавших в конгрегации пейотистов, – говорит о своих собратях по вере, что они «определенно не одурманены и не пьяны... Они никогда не выходят из ритма и не путают слов, как это делал бы пьяный или одурманенный человек... Они все спокойны, вежливы и предупредительны друг к другу. Я никогда не был ни в одном культовом здании белого человека, где наблюдалось бы столько религиозного чувства или благопристойности». А что, можем спросить мы, эти ревностные и примерные пейотисты испытывают? Не мягкое ощущение добродетели, которое поддерживает среднего прихожанина в течение девяти минут скуки. Ни даже те высокие чувства, вдохновленные мыслями о Создателе и Искупителе, Судье и Утешителе, которые воодушевляют набожного. Для этих «чистых американцев» религиозный опыт – нечто более непосредственное и просветляющее, более спонтанное, в меньшей степени самодельный продукт поверхностного, застенчивого ума. Иногда (согласно свидетельствам, собранным доктором Слоткиным) их посещают видения, которые могут быть видениями Самого Христа. Иногда они слышат голос Великого Духа. Иногда ощущают присутствие Бога и тех личных недостатков, которые должны быть исправлены, если они хотят выполнить Его волю. Практические последствия этих химических открываний дверей в Иной Мир представляются целиком полезными. Д-р Слоткин сообщает, что пейотисты в целом трудолюбивее, сдержаннее (многие из них вообще воздерживаются от алкоголя), миролюбивее не-пейотистов. Дерево с такими удовлетворительными плодами нельзя сразу отвергать как дурное.

В освящении употребления пейота индейцы Чистой Американской Церкви сделали то, что одновременно является психологически здоровым и исторически заслуживающим уваже-

³⁹ Сэмюэл Батлер (1835–1902) – английский писатель. Его утопический роман «Егдин» опубликован в 1872 г.

ния. В ранние века христианства многие языческие обряды и празднества были, так сказать, окрещены и поставлены на службу Церкви. Эти увеселения не были особенно назидательными; но они утоляли определенный психологический голод, и вместо того чтобы пытаться их подавлять, первые миссионеры были достаточно разумны, чтобы принять их такими, какими они были, – удовлетворяющими душу выражениями фундаментальных стремлений, – и ввести их в ткань новой религии. «Чистые американцы» совершили, в сущности, то же самое. Взяли языческий обычай (обычай, по случайности, более возвышающий и просветляющий, чем большая часть довольно грубых попок и спектаклей, воспринятых от европейского язычества) и придали ему христианскую значимость.

Хоть и недавно введенные в практику северных Соединенных Штатов, пейотоедение и религия, основанная на нем, стали важными символами права краснокожих на духовную независимость. Некоторые индейцы реагировали на господство белых, американизируясь сами, другие – отступая в традиционный индейзм. Но некоторые попытались взять лучшее от обоих миров – лучшее от индейзма, лучшее от христианства и лучшее от тех Иных Миров трансцендентного опыта, где душа познает себя не скованной условиями – она обладает природой, сходной с божественной. Отсюда и Чистая Американская Церковь. В ней два великих аппетита души – стремление к независимости и самоопределению и стремление к самотрансценденции – сплелись воедино и были интерпретированы в свете третьего – стремления к поклонению, к оправданию действия Бога перед человеком, к объяснению вселенной посредством внятной теологии.

Вот бедный индеец, чей девственный разум
Перёд прикрывает, а зад брошен наземь.

На самом же деле это мы, богатые и высокообразованные белые, брошены задами наземь. Мы прикрываем нашу переднюю наготу какой-то философией – христианской, марксистской, фрейд-физикалистской, – но сзади остаемся неприкрытыми и брошенными на милость всех ветров обстоятельств. Бедный индеец, с другой стороны, обладал достаточной смекалкой, чтобы прикрыть свою заднюю часть, добавив к фиговому листку теологии набедренную повязку трансцендентного опыта.

Я не настолько глуп, чтобы приравнять то, что происходит под воздействием мескалина или любого другого наркотика, приготовленного уже или возможного в будущем, к реализации конца и конечной цели человеческой жизни: Просветлению, Прекраснейшему Видению. Я лишь предполагаю, что мескалиновый опыт есть то, что католические теологи называли «безвозмездной милостью», не обязательно ведущей к спасению, но способной потенциально помочь, и ее, если она возможна, следует благодарно принимать. Чтобы стряхнуть рутину привычного восприятия, чтобы узреть на несколько безвременных часов внешний и внутренний миры не такими, какими они кажутся животному, одержимому выживанием, или человеку, одержимому словами и понятиями, а какими они постигаются непосредственно и безусловно Всем Разумом, – этот опыт неоценимо драгоценен для всех и в особенности – для интеллектуалов. Ибо интеллектуал есть человек, для которого, по словам Гёте, «слово в сущности приносит плоды». Это человек, который чувствует: «то, что мы воспринимаем глазом, чуждо нам как таковое и не должно глубоко впечатлять нас». И все же, сам будучи интеллектуалом и одним из величайших мастеров языка, Гёте не всегда соглашался со своей собственной оценкой слова. «Мы говорим, – писал он в середине жизни, – чересчур много. Мы должны говорить меньше, а рисовать – больше. Лично я хотел бы вовсе отказаться от речи и, подобно органической Природе, сообщать все, что мне нужно сказать, набросками. Вон то фиговое дерево, эта маленькая змейка, кокон на моем подоконнике, тихо ожидающий своего будущего, – все это моментальные росчерки. Человек, способный расшифровать их значение так, как нужно, вскоре сможет

вовсе обходиться без написанного или произнесенного слова. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется: в речи есть что-то тщетное, посредственное, даже (я поддаюсь соблазну сказать) фатоватое. Напротив, суровость Природы и ее молчание поражают вас, когда вы стоите лицом к лицу с ней, не отвлекаясь, перед нагим хребтом или среди запустения древних холмов». Мы никогда не обойдемся без языка и других знаковых систем; ибо именно посредством их, и только посредством их, мы подняли себя над дикарями до уровня человеческих существ. Мы легко можем стать жертвами, а равно и бенефициариями этих систем. Мы должны научиться эффективно обращаться со словами; но в то же время мы должны сохранять и, если необходимо, развивать свою способность смотреть на мир непосредственно, а не сквозь эту полупрозрачную среду представлений, которая искажает каждый данный факт, превращая его в слишком уж хорошо знакомое подобие какой-то родовой этикетки или объяснительной абстракции.

Литературное или научное, либеральное или специальное, все наше образование преимущественно вербально и, следовательно, не может выполнить то, что от него ожидается. Вместо преобразования детей в полностью развитых взрослых, оно выпускает студентов-естественников, которые совершенно не сознают Природу как первоначальный факт опыта, а миру навязывает студентов-гуманитариев, которые ничего не знают о гуманности, своей ли собственной или чьей-либо еще.

Гештальт-психологи, такие как Сэмюэл Реншоу, разработали методы для расширения диапазона и увеличения остроты человеческого восприятия. Но применяют ли их наши педагоги? Ответ: нет.

Учителя в каждой области психо-физических навыков – от зрения до тенниса, от хождения по канату до молитвы – методом проб и ошибок обнаружили условия оптимального функционирования в границах своих областей. Но финансировал ли какой-нибудь из наших великих Фондов проект по координации этих эмпирических изысканий и объединению их в общую теорию и практику повышенной креативности? Снова, насколько я знаю, ответ: нет.

Всякого рода культисты и проходимцы учат всевозможным методикам достижения здоровья, довольства, спокойствия духа; и на многих их слушателей некоторые методики явно возымели действие. Но видим ли мы, как уважаемые психологи, философы и священнослужители смело спускаются в те странные и зачастую дурно пахнущие колодцы, на дне которых несчастная Истина столь часто принуждена сидеть? И снова ответ: нет.

А теперь взгляните на историю исследователей мескалина. Семьдесят лет назад весьма талантливые люди описывали трансцендентные переживания, приходящие к тем, кто в добром здравии, при должных условиях и в правильном состоянии духа принимал наркотик. Сколько философов, сколько теологов, сколько профессиональных педагогов проявили любопытство и открыли эту Дверь В Стене? Ответ очевиден: ни одного.

В мире, где образование преимущественно вербально, высокообразованным людям почти невозможно обращать внимание на что-либо, кроме слов и представлений. Всегда есть деньги на докторские диссертации, на ученое надувательство по исследованиям того, что для ученых является невероятно важной проблемой: кто на кого повлиял в произнесении чего именно и когда? Даже в наш технологический век вербальные гуманитарные науки в почете. Невербальные гуманитарные науки, искусства непосредственного осознания данных фактов нашего опыта почти совершенно игнорируются. Каталог, библиография, определяющее издание *ipsissima verba*⁴⁰ третьесортного рифмоплета, колоссальный указатель в целях упразднения всех указателей – любой подлинно александрийский проект обязательно получит одобрение и финансовую поддержку. Но когда доходит до вопроса, как вам и мне, нашим детям и внукам стать восприимчивее, научиться интенсивнее осознавать внутреннюю и внеш-

⁴⁰ Наиподлиннейшие слова (лат.).

ную реальности, быть более открытыми навстречу духу, менее подверженными физическим болезням вследствие психологических злоупотреблений, более способными контролировать собственную автономную нервную систему, – когда доходит до любой формы не-вербального образования глубже (и практически полезнее) шведской гимнастики, ни одна действительно уважаемая личность ни одного действительно уважаемого университета или церкви не станет этим озадачиваться. Вербалисты с подозрением относятся к не-вербалистам; рационалисты страшатся данного, не-рационального факта; точка зрения интеллектуалов: «то, что мы воспринимаем глазом (или любым другим способом), чуждо нам как таковое и не должно впечатлять нас глубоко». Помимо этого, вопрос образования в сфере невербальных гуманитарных наук не попадает ни в одну из принятых ячеек. Это не религия, не неврология, не гимнастика, не этика или основы гражданственности, не даже экспериментальная психология. Поэтому с точки зрения академической и богословской вопроса не существует и его можно запросто проигнорировать совсем или с покровительственной улыбкой оставить тем, кого фарисеи вербальной ортодоксии называют чудиками, знахарями, шарлатанами или неквалифицированными дилетантами.

«Я всегда обнаруживал, – с горечью писал Блейк, – что Ангелы имели тщеславие говорить о себе как о единственно мудрых. Это они делали с уверенной надменностью, проистекающей из систематического рассуждения».

Систематическое рассуждение – вот без чего мы как биологический вид или как личности никак не можем обойтись. Но мы, если хотим остаться в здравом уме, не сможем обойтись и без непосредственного восприятия, чем более несистематического, тем лучше, – восприятия и внутреннего, и внешнего миров, в которых мы рождены. Эта данная реальность – бесконечность, превосходящая всякое понимание, и все же допускающая непосредственное и в каком-то смысле тотальное постижение себя. Это трансценденция, принадлежащая к иному, не-человеческому порядку; и все-таки она может представляться нам как чувствуемая имманентность, как переживаемое участие. Быть просветленным – значит всегда осознавать тотальную реальность во внутренне присущей ей инаковости – осознавать ее и все же оставаться в состоянии выживать как животное, думать и чувствовать как человек, при необходимости прибегать к систематическому рассуждению. Наша цель – обнаружить, что мы всегда находились там, где нам следовало находиться. К несчастью, мы чрезвычайно осложняем себе эту задачу. Тем временем, однако, существуют безвозмездные милости в виде частичных и быстротечных осознаний. При более реалистической, менее исключительно вербальной системе образования, чем наша, каждому Ангелу (в блейковском смысле этого слова) будет позволено в качестве праздничного удовольствия, посоветовано и даже, если необходимо, приказано совершать отдельные путешествия сквозь какую-нибудь химическую Дверь В Стене в мир трансцендентного опыта. Если это ужаснет его, опыт окажется несчастливym, но, возможно, целительным. Если это принесет ему краткое, но безвременное просветление – тем лучше. В любом случае Ангел может утратить какую-то часть своей уверенной надменности, проистекающей из систематического рассуждения и сознания того, что все книги уже прочитаны.

Ближе к концу жизни Аквинский⁴¹ испытал Внушенное Созерцание. После этого он отказался возвращаться к работе над неоконченной книгой. По сравнению с *этим* все, что он читал, о чем спорил и что писал – Аристотель и Сентенции, Вопросы, Предложения, величественные Суммы, – все было не лучше мякины или соломы. Для большинства интеллектуалов такая сидячая забастовка была бы нежелательна и даже морально неверна. Но Ангельский Доктор проделал больше систематических рассуждений, чем двенадцать обыкновенных Ангелов, и уже созрел для смерти. В последние месяцы своей брэнной жизни он заслужил право отвернуться от просто символической соломы и мякины к хлебу действительного и сущностного

⁴¹ Св. Фома Аквинский (1225–1274) – итальянский монах-доминиканец, теолог, философ.

факта. Для Ангелов более низкого порядка с лучшими видами на долгожительство должно состояться возвращение к соломе. Но человек, который возвращается сквозь Дверь В Стене, никогда не будет точно таким же, как человек, который в нее выходил. Он будет более мудрым и менее самоуверенным, более счастливым, но менее самоудовлетворенным, он будет скромнее в признании своего невежества, но и лучше вооружен для понимания отношений слов к вещам, систематического рассуждения к непостижимой Тайне, которую он пытается – всегда тщетно – постичь.

1954

Рай и ад

Предисловие

Эта небольшая книга – продолжение «Дверей Восприятия». Человека, в котором «свеча мудрости» никогда не возгорается спонтанно, мescalиновый опыт просветляет вдвойне. Он бросает свет на доселе неизвестные области человеческого разума; и одновременно непрямо высвечивает другие умы, богаче одаренные в отношении видения, нежели его собственный. Размышляя о своем опыте, он приходит к новому и лучшему пониманию того, как воспринимают, чувствуют и думают другие умы, к пониманию космологических представлений, которые им кажутся самоочевидными, и произведений искусства, посредством которых им приходится выражать себя. В том, что следует ниже, я попытался более или менее систематически зафиксировать результаты этого нового понимания.

О.Х.

В истории науки собиратель образцов предшествовал зоологу и следовал за толкователями натуральной теологии и магии. Он перестал изучать животных в духе авторов Бестиариев, для которых муравей был воплощенным прилежанием, пантера – эмблемой, что довольно удивительно, Христа, хорек – шокирующим примером безудержного сладострастия. Но этот собиратель, если не считать каких-то зачатков, еще не был физиологом, экологом или этологом. Его первоочередной заботой было составить перепись, поймать, убить, набить чучела и описать столько зверей, на сколько у него хватит рук.

Подобно земле столетие назад, в нашем уме до сих пор есть свои темные Африки, не нанесенные на карту Борнео и бассейны Амазонок. Что касается фауны этих регионов, то мы пока не зоологи, мы – простые натуралисты и собиратели образцов. Этот факт прискорбен; но мы вынуждены принять его и воспользоваться им наилучшим образом. Какой бы черной ни была работа собирателя, она должна быть выполнена прежде, чем мы приступим к более возвышенным научным задачам классификации, анализа, эксперимента и разработки теории.

Подобно жирафу и утконосу, существа, населяющие эти отдаленные районы ума, в высшей степени невероятны. Тем не менее они существуют, являются фактами наблюдений; и как таковых их нельзя игнорировать никому, кто честно пытается понять мир, в котором живет.

Трудно, почти невозможно говорить о ментальных событиях без помощи сравнений с более знакомой вселенной материальных вещей. Если я начал пользоваться географическими и зоологическими метафорами, то это – неспроста, не из обычного пристрастия к выразительному языку. Это – потому, что такие метафоры очень хорошо выражают сущностную инаковость дальних континентов ума, полную автономию и самодостаточность их обитателей. Человек состоит из того, что можно назвать Старым Миром личного сознания, заморской цепью Новых Миров – не слишком отдаленными Вирджиниями и Каролинами личного подсознательного и вегетативной души; Дальним Западом коллективного бессознательного с его флорой символов, с его племенами архетипов-аборигенов; а еще за одним, более обширным океаном лежат антиподы повседневного сознания, мир Духовидческого Опыта.

Если вы поедете в Новый Южный Уэльс, то увидите скачущих по окрестностям сумчатых. А если отправитесь к антиподам осознающего себя разума, то встретите всяких существ по меньшей мере столь же странных, что и кенгуру. Сами вы их не изобретаете – так же, как сами не придумываете сумчатых. Они живут собственной жизнью вне всякой зависимости от вас. Человек не может их контролировать. Он может только приехать в ментальный эквивалент Австралии и поискать их.

Некоторые люди никогда сознательно не находят своих антиподов. Другие высаживаются на берег случайно. А третьи (но их немного) приходят и уходят по своему желанию очень легко. Натуралисту ума, собирателю психологических образцов в первую очередь нужен некий безопасный, легкий и надежный способ транспортировки себя и других из Старого Мира в Новый, от континента хорошо знакомых коров и лошадей к континенту кенгуру и утконосов.

Существует два таких способа. Ни один из них не совершенен; но оба достаточно надежны, достаточно легки и достаточно безопасны, чтобы оправдать их применение теми, кто знает, что делает. В первом случае душа переносится к своему отдаленному месту назначения с помощью химического вещества – либо мескалина, либо лизергиновой кислоты. Во втором случае транспортное средство по природе своей – психологическое, а переход к антиподам ума осуществляется гипнозом. Два аппарата транспортируют сознание в один и тот же район; но у наркотика больше радиус действия, и он доставляет пассажиров глубже в *terra incognita*⁴².

Как и почему гипноз производит свое наблюдаемое действие? Этого мы не знаем. Для настоящих целей тем не менее нам этого и не надо знать. В данном контексте нам необходимо только зарегистрировать факт: некоторые субъекты гипноза переносятся в состоянии транса в регион антиподов ума, где обнаруживают эквивалент сумчатых – странных психологических созданий, ведущих автономное существование по законам их собственного бытия.

О физиологическом воздействии мескалина мы знаем немного. Вероятно (ибо мы пока в этом не уверены), он вмешивается в энзимную систему, которая регулирует церебральные функции. Тем самым он снижает эффективность мозга как инструмента для фокусирования ума на проблемах жизни на поверхности нашей планеты. Подобное снижение того, что можно назвать биологической эффективностью мозга, кажется, позволяет ввести в сознание определенные классы ментальных событий, которые обычно исключаются, поскольку не обладают ценностью для выживания. Сходные вторжения биологически бесполезного, но ценного эстетически и иногда духовно материала порой случаются в результате болезни или усталости; или же они могут быть вызваны постом или периодом уединения в темном месте и в полной тишине⁴³.

Человек, находящийся под воздействием лизергиновой кислоты или мескалина, перестает иметь видения, когда ему дают большую дозу никотиновой кислоты. Это помогает объяснить эффективность поста как средства приобретения духовидческого опыта. Сокращением количества сахара пост снижает биологическую эффективность мозга и, таким образом, делает возможным введение в сознание материала, не обладающего ценностью для выживания. Более того, вызывая недостаток витаминов, он удаляет из крови этот известный ингибитор видений – никотиновую кислоту. Другой ингибитор духовидческого опыта – обычный, повседневный опыт восприятия. Экспериментальные психологи обнаружили, что, если заключить человека в «ограниченную среду», где нет света, нет звука, ничем не пахнет, и если опустить его в теплую ванну, где он сможет дотронуться только до какой-нибудь одной, почти неощутимой вещи, жертва очень скоро начнет «видеть», «слышать» и переживать странные телесные ощущения.

Миларепа⁴⁴ в своей гималайской пещере и фиванские анахореты следовали, в сущности, той же самой процедуре и получали те же самые результаты. Тысяча изображений искушений Св. Антония свидетельствует об эффективности ограниченной диеты и ограниченного окружения. Аскетизм, очевидно, обладает двоякой мотивацией. Если люди истязают свои тела, то не только потому, что надеются таким образом искупить свои прошлые грехи и избежать будущих наказаний; еще и потому, что они стремятся посетить антиподы ума и совершить неболь-

⁴² См. Приложение I. – Примеч. авт.

⁴³ См. Приложение II. – Примеч. авт.

⁴⁴ Джецун Миларепа (1052–1135) – учитель тибетского буддизма, йог-практик, поэт.

шую визионерскую экскурсию. Эмпирически и по свидетельствам других аскетов, они знают, что пост и ограниченная среда перенесут их туда, куда они стремятся. Их самоназначенное наказание может оказаться дверью в рай. (Также оно может – и этот вопрос будет обсуждаться позднее – стать дверью в инфернальные регионы.)

С точки зрения обитателя Старого Мира, сумчатые чрезвычайно странны. Но странность – это вовсе не то же, что случайность. Кенгуру и утконосам может не доставать правдоподобия; но их невероятность повторяется и подчиняется узнаваемым законам. То же самое истинно и в применении к психологическим существам, населяющим отдаленные регионы нашего ума. Ощущения, испытанные под воздействием мескалина или глубокого гипноза, определенно странны; но они странны с определенной регулярностью, странны по схеме.

Каковы те общие черты, которые налагает эта схема на наши визионерские ощущения? Первое и самое важное – это ощущение света. Все, видимое теми, кто посещает антиподы ума, ярко освещено и, кажется, сияет изнутри. Все краски обострены до степени, намного превосходящей что бы то ни было видимое в нормальном состоянии, и в то же время способность ума воспринимать слабые различия в тонах и оттенках заметно усиливается.

В этом отношении есть заметная разница между таким духовидческим опытом и обычными снами. Большинство снов не имеют цвета или же только частично или слабо окрашены. С другой стороны, видения, возникающие под действием мескалина или гипноза, всегда интенсивно и, можно сказать, сверхъестественно ярки по гамме. Профессор Калвин Холл⁴⁵, собравший записи многих тысяч снов, говорит нам, что около двух третей всех снов – черно-белые. «Только один сон из трех окрашен или обладает каким-то цветом». Некоторые люди видят все сны без исключения в цвете; некоторые вообще никогда не ощущают цвета в своих снах; большинство иногда видит сны в цвете, но чаще – нет.

«Мы пришли к заключению, – пишет д-р Холл, – что цвет в снах не сообщает никакой информации о личности сновидца». Я согласен с этим выводом. Цвет в снах и видениях говорит нам о личности сновидца не больше, чем цвет в наружном мире. Июльский сад воспринимается ярко окрашенным. Восприятие говорит нам что-то о солнечном свете, о цветах и бабочках, но мало или вовсе ничего не сообщает о наших собственных «Я». Сходным же образом тот факт, что мы видим яркие краски в своих видениях и в некоторых снах, говорит нам что-то о фауне антиподов ума, но совсем ничего – о личности того, кто населяет этот Старый Мир ума.

Большинство снов касается личных желаний и инстинктивных стремлений сновидца, а также конфликтов, которые возникают, когда эти желания и страсти идут вразрез с осуждающим сознанием или боязнью общественного мнения. История этих порывов и конфликтов раскрывается драматическими символами, и в большинстве снов символы не окрашены. Почему это происходит? Ответ, я полагаю, таков: чтобы быть эффективными, от символов не требуется быть окрашенными. Буквы, которыми мы пишем о розах, не обязательно должны быть красного цвета, и мы можем описать радугу посредством чернильных меток на белой бумаге. Учебники иллюстрируются штриховыми гравюрами и полутоновыми эстампами; и эти неокрашенные изображения и диаграммы эффективно сообщают информацию.

Что достаточно хорошо для бодрствующего сознания, то, очевидно, достаточно хорошо и для личного подсознательного, которому возможно выражать свои значения посредством неокрашенных символов. Цвет оказывается неким пробным камнем реальности. То, что дается, окрашено; то, что складывают наши символосозидающие интеллект и фантазия, не окрашено. Таким образом, внешний мир воспринимается окрашенным. Сны, которые не даются нам, а фабрикуются личным подсознательным, в общем и целом – черно-белые. (Следует заметить, что, по опыту большинства людей, наиболее ярко окрашенные сны – это сны о

⁴⁵ Калвин С. Холл-мл. (1909–1985) – американский психолог.

пейзажах, где нет драмы, нет символических ссылок на конфликт, а есть просто презентация сознанию данного, не-человеческого факта.)

Образы архетипического мира символичны; но коль скоро мы как индивидуальности не производим их сами, они проявляют по меньшей мере некоторые характеристики данной реальности и окрашены. Не-символические обитатели антиподов ума существуют по своему собственному праву и, подобно данным фактам внешнего мира, окрашены. На самом деле они окрашены гораздо интенсивнее, чем внешние данные. Это можно объяснить – по крайней мере частично – тем фактом, что наше восприятие внешнего мира обычно затуманено вербальными представлениями, которыми мы оперируем при мышлении. Мы вечно пытаемся обратить вещи в знаки с целью изобретения собственных, более разборчивых абстракций. Но, делая это, мы лишаем эти вещи огромной доли их собственной вещности.

На антиподах ума человек более или менее свободен от языка, находится вне системы концептуального мышления. Следовательно, наше восприятие визионерских объектов обладает всей свежестью, всей обнаженной интенсивностью опыта, который никогда не был вербализован, никогда не был ассимилирован безжизненными абстракциями. Их цвет (этот устойчивый признак данности) сияет со всей яркостью, которая кажется нам сверхъестественной, поскольку на самом деле она совершенно естественна – совершенно естественна в том смысле, что совершенно не усложнена языком или научными, философскими и утилитарными представлениями, посредством которых мы обычно воссоздаем данный мир по нашему собственному безотрадному человеческому образу.

В своей «Свече Видения» ирландский поэт А.Э. (Джордж Расселл)⁴⁶ анализирует собственные духовидческие опыты с замечательной остротой. «Когда я медитирую, – пишет он, – я ощущаю в мыслях и образах, теснящихся вокруг меня, отражения личности; но, кроме этого, есть еще окна в душе, сквозь которые можно увидеть образы, созданные не человеческим, но божественным воображением».

Наши лингвистические навыки приводят к ошибке. Например, мы скорее склонны сказать «Я воображаю», хотя нужно произнести: «Занавес был поднят с тем, чтобы я мог видеть». Видения, будь они спонтанными или вызванными, никогда не являются нашей личной собственностью. Воспоминания, принадлежащие обычному «Я», не имеют в них места. То, что мы видим там, абсолютно незнакомо. «Там нет ссылки или сходства, – по выражению сэра Уильяма Хершеля⁴⁷, – ни с какими объектами, которые мы недавно видели или даже о которых недавно думали». Появляются лица, но никогда они не принадлежат друзьям или знакомым. Мы – за пределами Старого Мира, мы исследуем антиподы.

Большинству из нас подавляющую часть времени мир повседневного опыта кажется довольно-таки тусклым и унылым. Но для некоторых людей часто, а для довольно большого числа – иногда какая-то часть этой яркости духовидческого опыта расплескивается и в своем изначальном виде попадает в обыкновенное видение – и повседневная вселенная преобразается. Будучи по-прежнему узнаваемо самим собой, Старый Мир приобретает свойство антиподов ума. Вот совершенно характерное описание этого преобразования повседневного мира.

«Я сидел на морском берегу, чуть прислушиваясь к голосу друга, который яростно доказывал то, что было мне попросту скучно. Неосознанно для самого себя я взглянул на тонкий слой песка, что нанесло мне на руку, и вдруг увидел исключительную красоту каждой отдельной песчинки; они не были скучны – я видел, что каждая частица сделана по совершенному геометрическому образцу, с острыми гранями, и от каждой отражался яркий пучок света, и каждый крохотный кристалл сиял как радуга. ...Лучи сходились и пересекались, образуя изощ-

⁴⁶ Джордж Расселл (А.Э., 1867–1935) – ирландский поэт, прозаик, вожь ирландского национального литературного возрождения.

⁴⁷ Сэр Фредерик Уильям Хершель (1738–1822) – английский астроном немецкого происхождения, открыл планету Уран.

ренные орнаменты такой красоты, что у меня захватило дух... Затем внезапно мое сознание поднялось из глубины, и я наглядно увидел, что вселенная целиком состоит из частичек материала, которые, сколь бы скучными и безжизненными ни казались, наполнены тем не менее этой интенсивной и сущностной красотой. На секунду или две мир явился в сиянии славы. Когда все угасло, во мне осталось нечто, чего я никогда не забывал и что постоянно напоминает мне о красоте, заключенной в каждой крошечной пылинке материала вокруг нас».

Так же Джордж Расселл пишет о видении мира, освещенного «невыносимым блеском света»; о том, как он смотрел на «пейзажи, столь же милые, как и потерянный Рай»; о созерцании мира, где «краски были чище и ярче – и все же образовывали более мягкую гармонию». И снова «ветра были сверкающими и алмазно ясными – и все же были полны цвета, точно опал, они блистали по всей долине; и я знал, что вокруг меня – Золотой Век и что мы сами были к нему слепы, а он никогда и не уходил из этого мира».

Множество подобных описаний можно найти у поэтов и в литературе религиозного мистицизма. Можно вспомнить, например, «Оду к намекам на бессмертие в раннем детстве» Вордсворта; некоторые стихи Джорджа Герберта и Генри Воэна⁴⁸; «Века Медитаций» Трахерна; эпизод в его автобиографии, где отец Сурин⁴⁹ описывает чудесную трансформацию закрытого монастырского сада в осколок небес.

Сверхъестественный свет и цвет обычны во всех духовидческих опытах. И вместе со светом и цветом в каждом случае нам является признание высокой значимости. Самосветящиеся объекты, которые мы видим на антиподах ума, обладают значением, и это их значение каким-то образом так же интенсивно, как и их цвет. Значимость здесь идентична бытию; ибо на антиподах ума объекты не представляют ничего, кроме самих себя. Образы, появляющиеся в ближних пределах коллективного подсознательного, обладают значением основных фактов человеческого опыта; но здесь, у пределов визионерского мира, нас встречают факты, которые, подобно фактам внешней природы, независимы от человека, как индивидуально, так и коллективно, и существуют по своему собственному праву. Их значение именно в этом и состоит: они интенсивно являются сами собой и, будучи таковыми, оказываются проявлениями сущностной данности, не-человеческой инаковости вселенной.

Свет, цвет и значимость не существуют изолированно. Они определяют объекты или проявляются в них. Существует ли какой-либо особый класс объектов, общий для большинства духовидческих опытов? Ответ: да, существует. Под мескалином и гипнозом – так же, как и в спонтанных видениях – определенные классы перцептивных ощущений возникают снова и снова.

Типичный опыт мескалина или лизергиновой кислоты начинается с восприятия цветных, движущихся, живых геометрических форм. Со временем чистая геометрия становится конкретной, и духовидец принимает не узоры, а узорчатые вещи – ковры, мозаики, резьбу. Они уступают место сложным постройкам посреди пейзажей – они постоянно видоизменяются, переходя из одного избыточного состояния в другое, интенсивнее и богаче окрашенное избыточное состояние, из великолепия во все более глубокое великолепие. Могут появиться героические фигуры того вида, который Блейк назвал «Серафим»⁵⁰, – поодиночке или во множествах. Поле зрения пересекают фантастические животные. Все ново и изумительно. Почти никогда духовидец не наблюдает ничего, что напоминало бы ему о его собственном прошлом.

⁴⁸ Джордж Герберт (1593–1633) – английский поэт-метафизик. Генри Воэн («Силурист», 1622–1695) – гэльский поэт-метафизик.

⁴⁹ Отец Сурин – иезуитский мистик и экзорцист XVII в.

⁵⁰ В данном случае понятие «Серафим» является видовым наименованием и употребляется собирательно. У Блейка (например, в «Книге Тэль») оно никак не толкуется.

Он не вспоминает сцены, людей или предметы и не изобретает их; он смотрит на новое создание.

Сырье для этого создания поступает из визуального опыта обычной жизни; но заливка материала в формы – работа того, кто совершенно определенно не является «Я», кто с самого начала обладал опытом или позднее вспоминал и размышлял о нем. Это, если процитировать слова д-ра Дж. Р. Смайтиса из его недавней работы в «Американском журнале психиатрии», «работа высокодифференцированного умственного отдела без всякой очевидной связи, эмоциональной или волевой, с целями, интересами или чувствами затронутой личности».

Ниже в прямых цитатах или конденсированном пересказе приводится описание Уиром Митчеллом мира видений, в который его перенесли с помощью пейота – кактуса, являющегося естественным источником мескалина.

При вхождении в этот мир он увидел множество «звездных точек» и нечто, похожее на «осколки цветного стекла». Потом возникли «нежные парящие пленки цвета». На смену им пришел «резкий порыв бесчисленных точек белого света», пронесшийся через поле зрения. Затем появились зигзагообразные линии ярких красок, которые как-то превратились в распухающие облака еще более ярких оттенков. Вот возникли строения, затем пейзажи. Там была готическая башня причудливой конструкции с обветшавшими статуями в дверных проемах или на каменных опорах. «Пока я смотрел, каждый выступающий угол, карниз и даже лицевые стороны камней на стыках начинали постепенно покрываться или унижаться гроздьями того, что казалось огромными драгоценными камнями, но камнями необработанными, так что некоторые походили на массы прозрачных плодов... Все, казалось, обладало своим внутренним светом». Готическая башня уступила место горе, утесу невообразимой высоты, колоссальному птичьему когтю, вырезанному из камня и нависающему над бездной, бесконечно разворачивающимся цветным драпировкам и вновь цветению драгоценных камней. И наконец появилась панорама зеленых и пурпурных волн, разбивающихся о пляж «мирадами огней того же оттенка, что и волны».

Каждый мескалиновый опыт, каждое видение, возникающее под гипнозом, уникальны; но все узнаваемо принадлежат к одному и тому же виду. Пейзажи, архитектура, гроздья драгоценностей, яркие и прихотливые орнаменты – все это в своей атмосфере сверхъестественного света, сверхъестественного цвета и сверхъестественной важности и есть вещество, из которого сделаны антиподы ума. Почему это непременно так, мы не имеем понятия. Это грубый факт опыта, который – нравится нам это или нет – мы должны принять – как мы должны принять факт существования кенгуру.

От этих фактов духовидческого опыта теперь давайте перейдем к описаниям Иных Миров, сохранившимся во всех культурных традициях, – миров, населенных богами, духами умерших, населенных человеком в его изначальном состоянии невинности.

При чтении таких описаний нас немедленно поражает близкое сходство вызванного или спонтанного духовидческого опыта с небесами или сказочными землями фольклора и религии. Сверхъестественный свет, сверхъестественная интенсивность окраски, сверхъестественная значимость – вот характеристики всех Иных Миров и Золотых Веков. И практически в каждом случае этот сверхъестественно значимый свет освещает или испускается пейзажем настолько невероятной красоты, что слова этого выразить не могут.

Так, например, в греко-римской традиции мы находим прекрасный Сад Гесперид, Елисейские Поля и дивный остров Левку, куда был перемещен Ахилл. Мемнон⁵¹ отправился на другой сияющий остров где-то на Востоке. Одиссей и Пенелопа путешествовали в противоположном направлении и насладились своим бессмертием с Цирцеей в Италии. Еще дальше

⁵¹ Мемнон – в греческой мифологии эфиопский царь, убитый Ахиллом и обессмерченный Зевсом.

к Западу находились Острова Благословенных, впервые упоминавшиеся Гесиодом⁵², в которые настолько твердо верили, что еще в первом веке до Рождества Христова Серторий⁵³ собирался послать из Испании эскадру, чтобы их обнаружить.

Волшебные прекрасные острова вновь возникают в фольклоре кельтов, а на противоположной стороне мира – у японцев. Между Авалоном на крайнем Западе и Хорайсаном на Дальнем Востоке находится земля Уттаракхуру, Иной Мир индусов. «Земля, – читаем мы в «Рамаяне», – орошается озерами с золотыми лотосами. Там тысячи рек, полных листьев цвета сапфира и лазури; и озера, блистающие, как утреннее солнце, украшены золотыми грядами красных лотосов. Все вокруг покрыто драгоценностями и дорогими камнями, веселыми грядами голубых лотосов с золотыми лепестками. Не песок, а жемчуг, драгоценности и золото образуют берега рек, над которыми нависают ветви деревьев из золота, яркого, как огонь. Эти деревья беспрестанно цветут и плодоносят, испуская сладкий аромат и полнясь птицами».

Уттаракхуру, как мы видим, своим богатством драгоценными камнями напоминает пейзажи мескалинового опыта. И эта черта – общая практически для всех Иных Миров религиозной традиции. Каждый рай полон драгоценностей или по крайней мере предметов, похожих на драгоценности, которые напоминают, как определил Уир Митчелл, «прозрачные плоды». Вот, например, как, по версии Иезекииля⁵⁴, выглядит Райский Сад: «Ты находился в Едеме, в саду Божиим; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото... Ты был помазанным херувимом, чтобы осеять... ходил среди огнистых камней»⁵⁵. Буддистские раи украшены похожими «огнистыми камнями». Так, Западный Рай Секты Чистой Земли огорожен серебром, золотом и бериллом; в нем есть озера с драгоценными берегами и обилием пылающих лотосов, внутри которых на тронах сидят Бодхисаттвы.

При описании своих Иных Миров кельты и тевтонцы очень мало говорят о драгоценных камнях, но им есть что сказать о другом, равно чудесном для них веществе – о стекле. У валлийцев была благословенная земля, называемая «Инисветрин», «Стеклянный Остров»; а одним из имен германского королевства мертвых было «Гласберг»⁵⁶. Это напоминает «Стеклянное Море» в Апокалипсисе.

* * *

Большинство раев украшено зданиями, и, подобно деревьям, водам, холмам и полям, эти здания сверкают драгоценностями. Все мы знакомы с Новым Иерусалимом – «и строительство стен его было из яшмы, и город был из чистого золота, как ясное стекло. И основания стен города украшены были всевозможными драгоценными камнями».

⁵² Гесиод (VIII в. до н. э.) – греческий поэт.

⁵³ Квинт Серторий (ок. 123—72 до н. э.) – римский генерал, правивший значительной частью Испании в послушание Сената.

⁵⁴ Иезекииль (ок. 622 – ок. 570 до н. э.) – пророк народа израильского.

⁵⁵ Иез. 28:13,14.

⁵⁶ От нем. «стеклянная гора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.